

Часть 2

Введение: подлинная личность

Личность ли я или только элемент общества? Это, по сути, центральный вопрос нашей собственной жизни, и мы должны постоянно задаваться им и пытаться более глубоко в него проникнуть. Кроме того, как мы видели, это ключ к развитию сангхи, духовного сообщества. Без личностей нет сангхи. Следовательно, любое рассмотрение вопроса о том, что такое сангха, должно включать как можно более полное понимание природы личности. Так что же такое личность? Мы уже поняли, что подлинную личность можно описать в традиционных буддийских выражениях как человека, который разорвал первые три оковы и таким образом достиг Вхождения в поток. Мы также проследили возникновение личности в контексте человеческой истории. В следующих главах мы будем рассматривать личность с различных других точек зрения.

Во-первых, мы вкратце рассмотрим качества, характерные для личности. Затем, в главе 9, мы расширим наш угол обзора и обсудим развитие личности не только в рамках сравнительно недавней истории, но и в контексте эволюции сознания в целом. А затем, расширив наше видение до подобной развернутой и величественной перспективы, мы сузим фокус и обратимся к вопросу, который, возможно, уже приходил вам в голову. Допустимо ли на самом деле в рамках буддийского учения говорить о «личности»? Не знаменит ли буддизм своим учением о «не-я»? Нам стоит уделить некоторое время тому, в каком смысле уместно, а в каком – нет, думать о духовной жизни как о развитии индивидуальности, и мы займемся этим в главе 10, «Целостная личность». А в главах 11 и 12 мы свяжем наше развивающееся представление о личности с двумя другими областями мысли и опыта: западной философией в рамках идей Фридриха Ницше и искусством, в контексте которого мы рассмотрим, уместно или нет говорить о художнике как о подлинной личности.

Но для начала, каковы в целом характеристики подлинной личности? Сразу же должен отметить, что, несомненно, есть самые разнообразные качества, которые склонны развивать личности, и ни одно их описание никогда не охватит полностью этот диапазон возможностей. Личность нельзя измерить, взвесить или оценить каким бы то ни было количеством качеств или характеристик. Она неизмерима и неистощима, и то же самое можно сказать о ее качествах и характеристиках. Однако есть определенные качества личности, которые, по-видимому, особенно важны для опыта и поведения многих людей. Возможно, в первую очередь, чтобы быть личностью, нужна объективность, ясность и разумность в широком смысле этого слова. Вам нужно осознавать, что у действий есть последствия, что вы ответственны за свои действия, и, следовательно, ответственны и за их последствия. Это необходимое условие, без которого нельзя продвигаться дальше. Также нужно быть восприимчивым – иначе вы, опять же, останетесь на месте. Но, помимо этих основ, можно сказать, что следующие положительные характеристики составляют совместно природу личности.

Во-первых, как личность вы свободны – или, по крайней мере, сравнительно свободны – от групповой обусловленности и постоянно пытаетесь видеть дальше пределов этой обусловленности. Вы осознанно относитесь к миру, к его очертаниям, к тому, как он стал таким, каков он есть, к истории. Один из способов развить подобную осознанность – это, конечно, путешествия. Как обнаружили многие люди, когда мы уезжаем прочь от привычной поддержки своим взглядам и ощущаем совершенно другую групповую обусловленность, которая существует где-то еще, этого может быть достаточно для того, чтобы задаться вопросом об окончательной обоснованности нашего привычного взгляда на мир.

Во-вторых, нужно развитое самосознание – не самосознание подростка, который сходит с ума от мысли, что все на него смотрят, но в том смысле, что мы осознаем, что мы делаем и почему. Я использую слово «развитый» здесь сознательно: нужна дисциплина и усилия, чтобы развить самосознание, и в действительности многие из традиционных буддийских практик разработаны как раз для этого. Первобытный человек обладал сознанием, но не самосознанием, не осознанностью, и это очень часто справедливо и по отношению к современному, «цивилизованному» человеку. Но личность обладает осознанностью.

В широком смысле у этой осознанности есть четыре измерения: осознание себя, природы, других людей и реальности⁴⁴. Первое из этих измерений, осознание себя, включает многие вещи. Для начала, вы осознаете свое физическое тело – его позу, его движения. Вы также осознаете собственные эмоции, будь они положительные или отрицательные, и свои мысли – идеи, представления, размышления, доводы. Вы осознаете также то, чем вы обусловлены, – свое воспитание, окружение, опыт раннего детства, ассоциации, навыки и склонности, предпочтения. Вы осознаете, что в основном мотивирует ваши поступки, – вы способны быть разумно объективными по отношению к себе и довольно точно выносить себе оценку.

По сути, вы осознаете собственную уникальность, осознаете, что «вселенское сознание» сфокусировалось в вас, и что как один из фокусов этого сознания вы неповторимы. Вы обладаете мощной, сверкающей осознанностью. Вы чувствуете каждую вибрацию собственного индивидуального существования. Вы осознаете себя, как нечто четко отграниченное, отделенное от всего остального в природе. Вы осознаете свою абсолютную неповторимость – то, что и через века, через сотни и миллионы лет не будет никого, подобного вам.

Второе измерение осознанности – это осознанность по отношению к природе. Вы осознаете природу как нечто совершенно иное, то, что не является вами, даже несмотря на то, что вы берете в ней свое начало и выросли из нее. Вы осознаете свое физическое окружение, среду.

Третье измерение осознанности – в том, что вы осознанны по отношению к другим людям, особенно к тем, кто также обладает осознанностью. Вы осознаете, что происходит между вами и другими – то есть вы осознаете природу и качество ваших отношений.

И, наконец, что важнее всего, вы развиваете четвертое измерение осознанности – осознание реальности. Вы осознаете таинственную, неуловимую нить единства, которая пронизывает все бескрайнее полотно вещей. То есть вы осознаете – или стремитесь осознать – абсолютную реальность, то, что иногда называют запредельным. Вы ощущаете непосредственную, личную связь с глубочайшей реальностью вещей. Можно даже сказать (несколько поэтическим языком, вероятно), что личность – это человек, через кого глубинная реальность, истина, лежащая за пределами видимого, действует или присутствует в мире. Через личность видна вселенная: на самом деле личность и вселенная есть одно.

Если вы личность, вы знаете, что вы делаете. Вы не реагируете механически, по принуждению, вас не увлекает и не тащит вперед слепой инстинкт. Вы не жертва ваших собственных бессознательных побуждений. Вы спонтанны и свободны.

В-третьих, из этого самосознания вытекает, что, будучи личностью, вы отделяете себя от большинства человечества. Вы больше не являетесь частью вида, группы. Вы это вы. Можно даже сказать, что каждая личность представляет собой отдельный вид. В тибетском тексте «Наставления Гуру» перечисляется «десять знаков высшего человека», и

десятый звучит так:

Отличаться от большинства каждой мыслью и поступком – это знак высшего человека⁴⁵.

Это не означает, что вам надо превзойти самого себя, чтобы отличаться от других. Личность не обязательно эксцентрична. Не следует смешивать личность и с индивидуалистом или человеком с раздутым эго, которому нравится причинять боль другим. Просто вы думаете самостоятельно и, следовательно, неизбежно думаете не так, как другие. Вы можете уважать мнение других и даже использовать его, но сначала тщательно обдумаете, достоверны ли на самом деле чужие суждения.

Вам не приходит в голову желать быть отличным от других – дело не в том, что вы хотите «выйти из толпы». Вы также не ставите себя «выше толпы». Личность – это, вне всякого сомнения, не человек, который просто попадает на вершину социальной группы, подобно королям, министрам, миллионерам, кинозвездам и так далее. Личность отлична от других по своей сути, качественно отлична. Вы отличаетесь от других просто тем, что являетесь собой.

В-четвертых, вы не зависите от других психологически. Вам не нужно одобрение группы, чтобы обрести покой ума. Вы не против того, чтобы отличаться от других людей, вы не против того, чтобы развивать идеи, которые никому в голову больше не придет принять. Неодобрение группы не заставляет вас подстраиваться под нее. Если понадобится, вы готовы остаться в одиночестве. Это не означает, что одиночество – это вопрос принципа: напротив, потребность казаться «независимым» – это просто еще одна форма зависимости. Это также не означает, что вы должны отвергать помощь других, чтобы быть независимым: пожилые люди, которые отказываются принять свои собственные объективные ограничения, говоря: «Я всегда был независимым», – не проявляют этим подлинной независимости. Подлинная независимость – это независимость ума: вы самостоятельны, вы делаете собственный выбор.

Вместе с этой свободой и самоопределением приходит творчество. Один из способов выразить это – сказать, что первобытное человечество реактивно, современное человечество продуктивно (то есть создает материальные вещи – пищу, здания, одежду, произведения искусства), а личность – креативна. Это означает, что то, что вы создаете как личность, даже в материальной форме, обладает духовной значимостью. Создаете ли вы музыку, литературу, философию, религию или что бы то ни было, на самом деле вы создаете себя. Личность – это величайшее из собственных произведений искусства. Это очевидно в случае с такими людьми, как Будда, Конфуций или Сократ. Но и в поздние времена это можно увидеть, возможно, в меньшей мере, на примере Гете. Он – величайший из поэтов, пишущих на немецком языке, но, тем не менее, можно сказать, что его величайшая поэма – это его жизнь. Эта преданность собственному развитию как личности очень хорошо ощущается в его «Разговорах с Эккерманом»: он работал над своим характером, своими личными качествами, своей жизнью вполне сознательно, в том же духе, в котором создавал свои литературные произведения.

Французский театральный режиссер Антонен Арто (1896–1948) выражает подобную устремленность в очень пылких выражениях в своих «Пунктах»:

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласился с тем, что его создали, и не желает создавать заново себя, то есть того, кто согласен с идеей Бога как источника его существа, источника его мышления.

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласен с тем, что себя создал

не он сам, и кто принимает и признает идею материальной природы мира как его уже существующего тела.

Я не признаю, что не я сам создал свое тело, и ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто согласен жить, не создав сначала себя заново.

Я ненавижу и отвергаю как труса каждого, кто не признает, что жизнь дана ему только для того, чтобы заново создавать и перестраивать все его тело и организм⁴⁶.

В-пятых, как личность вы можете быть, и вы это принимаете, непопулярным. Непопулярность, как таковая, несомненно, не является характеристикой подлинной личности – это просто то, что ощущает человек. Самому Будде (прежде чем стать Буддой) пришлось привыкнуть к потере дружбы и уважения своих пяти последователей на пути аскетизма, когда он решил, что самоистязания бесполезны, и снова начал должным образом питаться⁴⁷. Даже после своего Просветления в некоторых кругах он был совсем не популярен, потому что бросал вызов законным интересам укоренившегося наследственного жречества. К счастью, индийцы в целом – довольно терпимые люди. Другим великим личностям не так повезло. Сократа приговорили к смерти, Конфуция изгнали из государства, и он почти умер от голода в канаве. Пророков Израиля нередко побивали камнями. Что касается творцов современности, они все еще иногда вызывают ярость толпы.

В-шестых, личность будет развивать положительные и возвышенные эмоции. Конечно, каждый способен на положительные эмоции – даже Сталин, вне всякого сомнения, по временам бывал добрым, – но из одного этого примера следует, что нельзя положиться лишь на выражение естественного человеческого тепла в виде сострадания, чувствительности, покоя и радости. Будь они положительными или отрицательными, человеческие эмоции естественным образом склонны становиться грубыми, даже жестокими. Положительная, возвышенная эмоциональная природа, следовательно, нуждается в сознательном развитии. Вам нужно принять полную ответственность за состояния собственного ума. Вы должны признать, что сами создаете свои эмоциональные переживания.

В-седьмых, ваши энергии текут свободно и спонтанно, чисто и гармонично. Нет препятствий, нет сдерживания, нет «зависания». Вся ваша энергия всегда доступна. Следовательно, вы свободны проявлять творчество во всем, что делаете.

В-восьмых, вы одни. Быть личностью среди людей, которые не являются личностями, – значит быть в одиночестве. Творить среди людей, которые просто производят или воспроизводят, – значит быть в одиночестве. Будучи личностью, вы можете почувствовать это особенно ясно – и, возможно, не будете знать, радоваться этому или печалиться. Вы рады, потому что, заново сотворив себя, вы переживаете то, что не испытывали до этого, но и печальны, потому что чем выше ваш опыт, тем сложнее вам разделить его с другими. Сам Будда, вне всякого сомнения, ощущал одиночество, особенно в период между тем, когда он покинул дом в возрасте 29 лет, и его Просветлением шесть лет спустя под деревом бодхи. Даже после этого, вплоть до того, как он смог поделиться своим опытом Просветления, он переживал свое одиночество еще более ярко. На том или ином уровне положение личности всегда таково.

Однако одиночество не является вашей целью. Последняя характеристика личности, которую я хочу отметить здесь, – это то, что вы вдохновляете других быть по-своему личностями. Вы готовы взять ответственность в каждой ситуации, в которой вы себя обнаруживаете, помогать создавать творческую ситуацию как для себя, так и для других. Это, как мы отметили, основа, на которой личности создают духовное сообщество.

Всеми этими способами мы принимаем ответственность за себя, за наш собственный личностный рост, за свою собственную жизнь и за влияние, которое ваша жизнь оказывает на жизнь вокруг нас. И вы действуете соответственно, потому что вы считаете этот рост самым важным в жизни каждого без исключения человеческого существа. Следовательно, вы всем сердцем отдаетесь процессу личностного развития. В более традиционных, буддийских выражениях, будучи подлинной личностью, вы предаете себя Трем Драгоценностям.

Глава 9.

Эволюция личности

Если принять за основу вышеизложенное, кому бы не захотелось быть подлинной личностью? В то же самое время, мы уже увидели, что личности чрезвычайно редки, что подразумевает, что стать одной из них нелегко. Так как же вы становитесь личностью? На самом деле, как *каждый* становится личностью? Что это за процесс? Мы рассмотрели, как личности впервые начали появляться на протяжении того, что Ясперс назвал «осевой эпохой». Но как это случилось? Мы можем исследовать этот вопрос в рамках концепции, которая во многом является самой важной идеей из всего многообразия современной мысли, – эволюции.

Классический пример эволюции как концепции – это, конечно, великая теория Дарвина о естественном отборе и происхождении видов. Однако эволюцию не стоит ограничивать сугубо научным применением. В более общем смысле она относится к тому, каким образом все процессы, какими бы застывшими в своих формах и функциях они ни казались внешне, являются обусловленными и непостоянными приспособлениями или совокупностями обстоятельств, которые проистекают из более ранних совокупностей обстоятельств или менее высокоорганизованных приспособлений. Вероятно, это самый важный смысл, который вкладывается в понятие «эволюция» с точки зрения буддизма.

Как общий принцип, эволюция применима практически ко всему. Она позволяет нам понимать существование в целом – от образования планет до центрального представления Дарвина о биологической эволюции и, далее, человеческих установлений и даже самих идей – как пребывание в процессе определенного раскрытия, определенного развития. Можно сказать, что вся вселенная – один гигантский процесс становления. А мы – часть этого процесса.

Модель эволюции, которая нам лучше всего знакома, – это слепое, случайное, безжалостное движение на ощупь, к все более удачному приспособлению, к постоянно меняющимся условиям окружения. Если один вид развивается к новой генетической конфигурации, которая дает ему преимущество над его окружением, другим видам приходится развивать собственные приспособления для того, чтобы ответить на этот вызов. Даже то, что известно нам как «я», можно объяснить как более или менее удачный способ адаптации определенной группы организмов к окружающей среде. Можно сказать, что это развитие изнутри.

Эта модель чрезвычайно механистична и оставляет неразрешенными многие важные вопросы. Можно даже сказать, что будет мудрее оставить их неразрешенными, доказывая, что ни одно объяснение не может рассеять основную тайну вещей, в особенности, тайну сознания и «я». И иногда именно к этой, совершенно другой модели, нас и призывают – погрузиться в эту тайну. Согласно подобному образу мышления, эволюция происходит не столько под действием внутренних сил, сколько под внешним воздействием. Конечно, в общем и целом такие идеи – сфера религии, у которой обычно есть виталистическая или телеологическая точка зрения на принцип эволюции в целом. Сам тот факт, что эволюция начинает размышлять над своими собственными результатами, рассматривается как доказательство того, что этот процесс – одновременно и прогресс, и того, что, так или иначе, он должен управляться откуда-то свыше или извне. То есть, если в процессе эволюции наблюдается прогресс, делается вывод, что этот прогресс происходит в связи с некой определенной целью, ценностью или принципом, который находится выше или вне процесса в целом.

Ни одна из этих моделей не работает достаточно удовлетворительно сама по себе,

но их не обязательно противопоставлять друг другу. Если не придерживаться той или иной модели слишком буквально, можно сказать, что каждая из них достоверна по отношению к определенным аспектам ситуации. Таким образом, в неуверенных, непредсказуемых шагах дарвинистской эволюции мы можем также прочесть прогрессивное проявление на протяжении времени абсолютной, трансцендентной реальности, само присутствие которой делает возможным возникновение новых качеств и характеристик, следующих друг за другом в этом эволюционном процессе. Несомненно, с точки зрения буддизма не существует никакого predetermined великого плана, стоящего за всем процессом эволюции, но, вероятно, можно сказать, что эта абсолютная реальность – своего рода резервуар, в котором эволюция, в особенности человеческая эволюция, постоянно находит источник.

Цель обсуждения эволюции в контексте буддизма заключается не столько в том, чтобы объяснить эволюцию в духовных понятиях, сколько в том, чтобы использовать идею эволюции и пролить свет на духовное развитие личности. Цель не в том, чтобы предложить нечто чисто научное, историческое или даже религиозное. Это способ описания процесса в нас самих как личностях. Это подразумевает, что мы – постоянно растущие, развивающиеся существа, существа, которые на самом деле способны к бесконечному развитию.

Сначала мы можем проследить то, как мы развивались до этого. Мы – результат миллиардов лет космической эволюции, около полумиллиона лет человеческой эволюции и десяти тысяч лет культурной эволюции. С точки зрения биологии, мы развились из низших, более простых форм жизни, с точки зрения антропологии, мы развивались от дикости и варварства к цивилизации и культуре, в то время как с точки зрения психологии мы развились от бессознательного состояния к простому сознанию, а от простого сознания – к зачаткам самосознания. Во-вторых, мы можем посмотреть вперед, на то, во что мы развиваемся сейчас – не как группа, не как вид, а как личность. Разделительная черта между двумя этими видами развития – самосознание или осознанность.

Итак, мы стоим на этом водоразделе. Лучшие из человеческих существ – осознанные, ответственные, разумные, чувствительные – стоят на этой поворотной точке, где высшая эволюция возникает из «низшей» эволюции. К несчастью, мы вполне можем сползти намного ниже этой точки, а не только подняться намного выше ее. Нам нравится считать, что мы ведем полную человеческую жизнь, но стоит сказать, что большую часть времени глубоко укорененное в нас животное начало – наше групповое сознание – только урывками озаряется индивидуальным самосознанием. Подлинное человечество, другими словами, – это достижение, а не то, с чем мы родились.

Это ни в коем случае не означает, что мы должны отвергнуть нашу общую человеческую природу. Это напоминает нам, что означает быть человеком, что выделяет нас из того, что находится на низшей ступени эволюции. Высшая эволюция – это эволюция нашей человеческой природы, и этот процесс должен развиваться постоянно. Свобода, которую мы обретаем с помощью нашего самосознания, непременно дает нам свободу отказаться от этой свободы. Но мы как личности также способны упрочить этот фундамент человечества. Мы способны развиваться за пределы самосознания к еще одной ключевой точке. Именно здесь возникает запредельная мудрость – непосредственное осознание реальности, – и это осознание побуждает нас двигаться еще дальше, к тому, что буддисты называют Просветлением. Именно поэтому можно рассматривать буддизм не как религию в условном и искаженном смысле этого слова, а как путь высшей эволюции, поскольку весь эволюционный процесс становится процессом самосознания в человеческих существах.

Когда русского писателя Владимира Набокова спросили, что отличает нас от животных, он ответил так:

Это осознание того, что мы осознаем свое существование. Другими словами, если я не только знаю, что я есть, но также знаю то, что я это знаю, тогда я принадлежу к человеческому роду. Все остальное из этого вытекает: величие мысли, поэзии, видение вселенной. В этом отношении пропасть между обезьяной и человеком неизмеримо больше, чем пропасть между амебой и обезьяной. Различие между памятью обезьяны и человеческой памятью – это различие между знаком & и библиотекой Британского музея⁴⁸.

Хотя в развитии высшей эволюции из низшей эволюции есть определенная преемственность, есть одна важная черта, которая нарушает эту непрерывность. Низшая эволюция собирательна: мутация должна распространиться на целую группу организмов, прежде чем можно будет сказать, что появился новый вид. Напротив, высшая эволюция осуществляется индивидуально, поскольку процесс роста заключается в развитии самосознания, осознанности, внимательности. Высшая эволюция возможна лишь в той степени, в какой существует осознанность, и наоборот. Так же, как, увидев почку на голой ветке дерева, вы понимаете, что рано или поздно там появится лист и даже цветок, вы понимаете, что, если в жизни какого-то человека вы замечаете проблески осознанности, можно с уверенностью сказать, что рано или поздно он выйдет в своем развитии за пределы этого уровня осознанности.

В результате растущей осознанности отдельная личность может в конечном итоге развить качества, которые будут отличаться от тех, которые присущи большинству людей, не только количественно, но и качественно. Такой человек может стать существом совершенно нового вида – тем, кого в буддийской традиции называют Буддой, Просветленным. Важно понимать, что истинная цель любой мировой религии (в отличие от этнических и племенных религий) – в создании таких существ, и что они представляют собой не просто прежний, переделанный по-новому и улучшенный, а совершенно новый вид существ, новую, так сказать, «метабиологическую» мутацию.

Поскольку высшая эволюция – ключевой вопрос для личности, нам нужно думать о ней не в целом, а в частном, личном аспекте. Рассмотрев обширные процессы эволюции будто бы в телескоп, мы должны поднести к ним микроскоп и исследовать, как возникает или развивается личность. Под микроскоп мы, по сути, должны положить себя.

Грубо говоря, человеческие существа состоят из двух больших частей: физического тела и ума или сознания. Тело принадлежит к низшей эволюции. Мы унаследовали это столь чудесным образом устроенное тело от долгого ряда животных предков, уходящего вглубь туманных и отдаленных веков. Что касается ума – что ж, все было бы определено, если бы мы сказали, что человеческий ум принадлежит в основном к высшей эволюции. Но мы определенно не можем так сказать. Аристотель определяет человека как разумное животное, но обычного рационального сознания самого по себе недостаточно, чтобы поднять нас над низшей эволюцией. На самом деле, у некоторых высших млекопитающих, вне всякого сомнения, есть зачатки самостоятельного мышления. Все, что мы можем сказать, – что человеческий ум обладает *потенциалом* перейти на высший уровень эволюции. Развитие обеих наших сил, и физической, и умственной, строго ограничено нашим эволюционным генетическим наследием. Но именно ум содержит в себе возможность продолжения развития, того, что я называю высшей эволюцией. В каком-то смысле, мы больше ум, нежели тело, и если где-то у нас есть будущее, оно заложено в нашем уме. Другими словами, будущая эволюция человечества будет большей частью, если не исключительно, психологической и духовной.

Прежде, чем описать этапы развития, которые проходит сознание, будет уместно определить, что мы понимаем под сознанием. К несчастью, нужно сразу признать, что любое определение будет содержать в себе тавтологию. Вот попытка дать определение сознания в одном из словарей: «Черта, принадлежащая определенным процессам или событиям в живом организме, которая должна считаться уникальной и потому неопределимой с помощью каких-либо других терминов, но, которую, возможно, лучше всего описать как видение этих процессов или явления как бы изнутри». Личность находится, так сказать, внутри того, что происходит – это наиболее точное если не определение, то, по крайней мере, описание, сознания. Следовательно, сознание синонимично осознанности, чем бы она ни была.

Трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, чтобы различить последовательные этапы в развитии чего-то, что уникально и необъяснимо. Если сознание на одном этапе уникально и необъяснимо, оно будет таким же и на любом другом этапе. Как можно отличить одну уникальную и необъяснимую вещь от другой?

Эта трудность скорее кажущаяся, чем реальная. Сознание описывается как «видение определенных процессов или событий в живом организме». Там, где есть видение, несомненно, есть и то, что видится. Этапы развития, через которые проходит сознание, можно, следовательно, различить на основе соответствующих им объектов. Если мы это сделаем, мы сможем выделить четыре ступени или уровня сознания: простое сознание, самосознание, трансцендентную мудрость и абсолютное сознание⁴⁹. Эти обозначения условны – другие, вероятно, подойдут не меньше. Например, иначе можно назвать эти уровни чувственным сознанием, субъективным сознанием, объективным сознанием и универсальным сознанием.

Первый уровень – простое сознание – синонимичен чувственному восприятию. Он состоит, так сказать, в осознании ощущений, возникающих в результате контакта органов чувств и внешнего мира. Это уровень сознания, который мы разделяем с животными; он связывает нас с бесконечным процессом биологической эволюции, процессом, с процессом почти невообразимой продолжительности, тянущимся от простого одноклеточного организма к чудесам сложности наших биологических функций как приматов.

Второй уровень – самосознание – это не просто восприятие или даже представление (посредством познающего разума). Вы воспринимаете, что вы воспринимаете. Вы осознаете, что вы осознаете. Вы не только испытываете ощущения, чувства, эмоции, ощущаете мысли, побуждения и так далее, вы ощущаете себя, как нечто, ощущающее их.

Вы не просто осознаете то, что поступает к вам через органы чувств, вы способны, так сказать, отступить и осознать себя как нечто, осознающее вещи, которые вы ощущаете, вместо того, чтобы, так сказать, погрузиться в них, отождествиться с ними.

Именно эта рефлексивная форма сознания – сознания, обращенного, так сказать, к самому себе, – наиболее характерна для нашей человеческой природы. Она связывает нас с десятками тысяч лет, на протяжении которых саморефлексирующее сознание постепенно позволило нам выделить себя из остального животного мира. Здесь мы обнаруживаем себя в, собственно, человеческом измерении, измерении, которое исследуют когнитивные и общественные науки. Это кульминация низшей эволюции и начало высшей эволюции. Это водораздел между ними, и, следовательно, это момент чрезвычайной важности. Однако это не все, на что мы способны: мы можем продвинуться еще дальше.

Когда наше самосознание полностью развито, мы начинаем видеть себя такими,

какие мы есть в действительности. С развитием третьего уровня, запредельного сознания, мы видим мир таким, каков он есть в действительности. Это сфера владений философии и религии. Именно на этом уровне мы обретаем определенную связь с природой реальности, высшей точкой которой является переживание запредельной осознанности. Это осознание высшей духовной реальности охватывает одновременно себя и все обусловленное существование – весь процесс эволюции. Его описывают как запредельное, поскольку оно выходит за пределы разделения субъекта и объекта.

По крайней мере, до определенной степени. На этом этапе объект все еще воспринимается как объект, но «линия», где субъект и объект встречаются и отделяются друг от друга, как бы заменяется трещиной, которая может расшириться до щели, в которой сияет свет абсолютного или вселенского сознания. Так, с узкого дрожащего луча света, начинается проблеск проникновения, в свете которого мы видим запредельное. И этот свет, в котором мы видим запредельное, – это также свет, в котором запредельное видит нас. Другими словами, осознанность или сознание, посредством которых мы узнаем запредельное, тождественны осознанности или сознанию, посредством которых запредельное узнает нас⁵⁰. Осознанность более не отождествляется полностью с «я» и его субъективной, психологической обусловленностью. Именно по этой причине о запредельном сознании можно также говорить, как об объективном сознании.

Четвертый уровень, абсолютное сознание или вселенское сознание, – это постепенное созревание самого состояния Будды из этого опыта запредельного сознания. Оно освобождает нас от всего круга человеческой жизни и перерождения и, следовательно, о нем можно говорить как о сверхчеловеческом уровне. Трещина расширяется и становится щелью, и щель продолжает раскрываться, расширяться, так сказать, до бесконечности. Так сознание становится единым со своим объектом, который бесконечен. Субъект и объект полностью исчезают. Следовательно, об этом нельзя ничего сказать.

На практике реальное развитие сознания – по крайней мере, за пределами уровней низшей эволюции – несомненно, более разнообразно и неопределенно, чем в этом описании. Есть различные промежуточные этапы эволюции сознания; я вычленил четыре основных этапа, чтобы дать ясную, понятную и простую картину вопроса.

Предполагается, что человек, находясь в утробе матери, за девять месяцев проходит сотни миллионов лет эволюции, в течение которых развивался человеческий вид в целом. Ребенок также проходит в ранние годы эволюцию сознания от простого сознания к самосознанию, от животной природы – к примитивной человеческой. В момент рождения ребенок – это животное с чисто животными потребностями, но за примерно три года у него развивается мышление, память и речь, а также зачатки самосознания, которое отражают и подпитывают эти достижения.

Однако продвижение на протяжении этих первых трех лет резко замедляется. Пройдя в утробе путь, равный сотням миллионов лет, мы за эти три года внутренне повторяем лишь несколько миллионов лет эволюции. А после этого момента практически никакого развития не происходит, в сравнении с потрясающим развитием, которое имеет место в эти ранние годы. В последующие отведенные нам годы мы учимся читать и писать, накапливаем знания – иногда огромные их количества, возможно, мы учимся рисовать или играть на пианино, скорее всего, учимся водить машину. Другими словами, мы повторяем, более или менее бегло, историю цивилизации. Но в том, что касается сознания, мы остаемся на протяжении всей жизни более или менее такими же, какими мы были в возрасте трех лет.

Почему так происходит? Почему мы останавливаемся на этом этапе зачаточного самосознания? Причину можно найти в различии между низшей эволюцией, которая является коллективным процессом, и высшей эволюцией, которая является индивидуальным достижением. Высшую эволюцию нельзя повторить тем же путем, каким повторяет низшую эволюцию зародыш в утробе матери. Вы можете унаследовать простое сознание от своих родителей, но не самосознание и еще в меньшей мере – запредельное сознание. Даже если вам настолько повезло, что ваши родители наделены запредельным сознанием, вам самим все же придется начать с самого начала. Хорошая новость заключается в том, что высшую эволюцию можно пройти за одну человеческую жизнь.

Низшая эволюция поднимает нас до уровня зачаточного самосознания, а затем прекращается. С этого момента наше продвижение зависит от наших собственных сознательных усилий. Без этого дальнейшее продвижение невозможно. Эта ситуация в некотором роде напоминает другой ключевой момент эволюции, когда жизнь покинула море, в котором она зародилась, и начала завоевывать сушу. Прибой выносит на берег морских обитателей, которые развивают способность в некоторой мере, очень ограниченно, использовать условия суши – возможно, откладывать яйца. Затем, когда прибой отступает, он оставляет этих существ выброшенными на берег, и они должны справиться с этим сами. Море больше ничего не может сделать для их развития. Положение, в котором мы оказались, в чем-то похоже на это. Жизнь выбросила нас на берег самосознания и оставила нас, предоставив самим себе. Общий источник и поток эволюции не могут больше ничего сделать для нас. С этого момента все зависит лично от нас.

Следовательно, мы сталкиваемся с выбором – не коллективным выбором, не выбором, стоящим перед нами как видом, но с индивидуальным выбором. Он стоит перед вами и мной. Мы – то есть вы и я – можем либо остановиться там, где мы находимся, либо продолжить процесс эволюции. И если мы решим идти дальше, мы вступим на путь того, что будет означать только одно, – развитие сознания.

Более того, если мы продолжим процесс эволюции, мы можем сделать это посредством нашего индивидуального устремления и усилий. Природа – даже сама Мать-Природа – не поможет нам в этом. Человеческое существование является – и по определению должно являться – борьбой, даже битвой. Может показаться, что жизнь просто течет мимо, и, без сомнения, мы можем течь вместе с ней. Но, хотя некоторые аспекты жизни подразумевают пассивное следование преобладающему течению, высшая эволюция не является одним из них. Саморазвитие – развитие создания [13] до более высокого уровня – это схватка с тем, что на самом деле очень непокорно.

Это происходит потому, что большинство из нас большую часть времени думает о саморазвитии, если вообще думает, в рамках физического или интеллектуального развития. Например, мы просыпаемся утром и думаем: «Сегодня я собираюсь заняться здоровьем» или «Сегодня я почитаю что-нибудь о буддизме». Но как часто наши устремления имеют своей целью развитие нашего сознания – самосознания, которое является отличительным качеством человека, в полном смысле этого слова? Если наш ответ: «Не часто, если вообще имеют», – нам нужно признать тот факт, что мы вовсе не ведем подлинно человеческую жизнь.

Нельзя принудить человека следовать пути высшей эволюции. На самом деле, многие люди не осознают даже возможности этого, а большинство тех, кто осознает, не заботится о том, чтобы воспользоваться этой осознанностью. Даже сама готовность заинтересоваться подобным вопросом помещает нас в стан меньшинства. Любое меньшинство оказывается в трудном положении, а меньшинство тех, кто устремляется по

пути высшей эволюции, оказывается в особенно трудной ситуации, потому что это путь, с которого очень легко сойти.

Вопрос высшей эволюции обычно затрагивается в мировых религиях – то есть религиях личности, религиях, которые говорят не только от лица определенной этнической группы, но, по сути, всех людей. Но сегодня у священников, жрецов и мулл немного можно узнать о том, как развивать собственные уровни сознания. Во многих частях мира – включая те, где преобладает буддизм, – мировые религии стали по существу этническими в своих заботах. Они – часть социальной среды, предлагающая себя как форму общественной службы и ничего более. По-видимому, в сфере искусств и некоторых ветвях психологии уделяется больше внимания развитию сознания, чем в более традиционных попытках вести духовную жизнь.

В «Бхагавад-гите», прославленном и популярном тексте индуизма, в котором Кришна (воплощающий, можно сказать, абсолютное сознание), как утверждается, говорит, что из тысячи людей лишь один ищет его, а из тысячи ищущих – лишь один найдет его⁵¹. Поэтому, как говорит Кришна, цели достигнет, возможно, лишь один человек из миллиона – и, вероятно, это довольно щедрая оценка.

Дхаммапада говорит о том же менее трагично. Будда говорит: «Трудно обрести человеческое состояние. Трудно услышать подлинную истину. Трудно появиться Просветленному»⁵². Говоря иначе, можно сказать, что действительно трудно быть человеческим существом – легче устраниться от этого вызова в более или менее животное состояние. Трудно развивать самосознание, а еще труднее развивать запредельное сознание. Трудно быть личностью, продолжать прикладывать усилия к тому, чтобы быть осознанным.

Эту трудность нужно подчеркнуть, не для того, чтобы лишить нас мужества, но для того, чтобы дать нам надежду на успех. Пока мы понимаем, что процесс сложен и принимаем его сложность всерьез, мы можем преодолеть эти сложности. Но если мы не позволяем себе осознать, насколько трудным это будет, если мы думаем, что это будет совсем не трудно, мы не сможем этого сделать.

Хотя все против нас и цель кажется далекой, наша непосредственная цель ясна. Она заключается в развитии нашего зачаточного самосознания до полного самосознания, а также в том, чтобы начать развивать третий уровень сознания, запредельное или объективное сознание. Хотя третий уровень не может быть полностью освоен, пока полностью не развит второй уровень, тем не менее, оба они развиваются совместно. Полное развитие самосознания совершенствует нашу человеческую природу, а с полным развитием запредельного сознания мы становимся Вошедшими в поток, теми, в ком воздействие высшей эволюции перевешивает низшую эволюцию.

Высшая эволюция – труднодостижимая задача, и она потребует всей нашей энергии. Если мы собираемся заняться ею, нам придется заниматься этим – развитием сознания – везде и всюду. Мы не можем посвятить этому лишь половину нашего времени и энергии. Все или ничего. С какой бы ситуацией мы не столкнулись, какие бы переживания мы не испытывали, какая бы возможность не возникла перед нами, нам нужно всегда спрашивать себя: «Как это повлияет – напрямую или косвенно – на высшую цель, которую я перед собой поставил?» Нам нужно поднимать этот вопрос по отношению к работе, личным отношениям, социальной и культурной деятельности, занятиям спортом, интересам – книгам, которые мы читаем, музыке, которую мы слушаем, фильмам, которые мы смотрим. Вопрос всегда один и тот же: как это повлияет на развитие меня как человеческого существа?

Если нашей главной заботой будет ведение религиозной или даже духовной жизни, это совсем не обязательно положительно повлияет на наше развитие. Но если нашей главной мотивацией во всем, что мы делаем, будет развитие сознания, мы, несомненно, будем продвигаться вперед. А если не будет – и мы не будем.

Глава 10.

Целостная личность

Всем нам присуще желание изменяться, расти, эволюционировать. Именно это и означает быть человеком. И все же, как мы видели, эволюция сознания – это не автоматический процесс. Как знает каждый, кто когда-либо испытывал желание измениться, поддерживать стремление сделать это трудно. Какое бы вдохновение мы не испытывали временами, мы скорее всего обнаруживаем, что поддерживать это вдохновение или перевести его в постоянные усилия по достижению большей осознанности к себе почти невозможно.

Почему это происходит? Причина в том, что мы – это не столько «я», сколько последовательность «я», а иногда и узел «я». Мы не объединенное, постоянно действующее «я», а целый ряд «я», борющихся за превосходство, и лишь одно из них берет верх в любой момент времени. Это объясняет, почему нам так часто не удается сделать то, что мы решаем сделать. Например, за решением встать рано утром стоит предположение о том, что тот человек, который принимает решение, и тот, который приведет его в исполнение, – это один и тот же человек. Однако когда мы просыпаемся, мы чаще всего обнаруживаем, что за ночь на пост заступило другое «я», «я», у которого нет намерения вставать, ему скорее нравится поваляться с утра. И вот мы лежим, смутно припоминая решение, принятое вчера, и гадаем, что стало с нашей решимостью.

Следовательно, становление личности – это процесс обретения целостности. Так или иначе нам придется найти способ объединить различные «я», существующие внутри нас, объединить все наше существо, сознательное и бессознательное, интеллектуальное и эмоциональное. Наряду с этим объединением, которое можно назвать «горизонтальным», мы также должны достичь «вертикального» объединения: единства с нашим собственным нереализованным высшим потенциалом, которое достигается, когда мы позволяем себе ощутить собственные высоты – и собственные глубины. Размышляя о буддийской жизни в таких понятиях, мы можем увидеть, что преданность соблюдению этических наставлений помогает нам жить таким образом, чтобы мы говорили именно то, что думаем, а делали, то, что намеревались сделать; другими словами, мы развиваем целостность. Традиционная буддийская практика внимательности во всех своих формах также развивает целостность наших многочисленных «я», поскольку мы прикладываем усилия к тому, чтобы постоянно поддерживать осознанность во всех делах повседневной жизни. А медитацию можно описать, как непосредственный метод обретения целостности. Во-первых, она способствует «горизонтальному» объединению, поскольку наши разрозненные «я» постепенно собираются вместе посредством сосредоточения на объекте концентрации. Далее, на основе этого горизонтального объединения мы можем начать практики медитации, на протяжении которых мы размышляем о высшей истине и все больше переживаем ее в процессе «вертикального» объединения. Практики поклонения и изучение Дхармы также помогают нам продвигаться в этом виде вертикального объединения.

Но даже если мы осознали необходимость развивать осознанность во всех смыслах этого слова и, возможно, начали попытки такого развития посредством описанных методов, это не обязательно означает, что мы будем развиваться в верном направлении. Есть опасность того, что вместо этого мы разовьем то, что я называю осознанностью отчуждения. В наш переходный век, когда не существует прочных, общепринятых ценностей, на которых мы можем основывать свою жизнь, многие люди теряют любое устойчивое ощущение личности. Кроме того, многие люди привыкли подавлять свои телесные ощущения, особенно те, что связаны с сексом, и негативные эмоции, чтобы

почувствовать то, что, как им сказали, они должны чувствовать, а не то, что они чувствуют на самом деле. Поэтому, по ряду причин, многие из нас обнаруживают, что они не способны или не желают ощущать себя, особенно свои чувства и эмоции. В результате, когда мы пытаемся развивать осознанность, мы можем осознавать себя, на самом деле не ощущая себя. В каком-то смысле мы осознаем то, что не ощущаем себя, осознаем, что мы не здесь.

Эта неспособность ощутить себя ужасна, потому что склонна создавать трещину между сознательным и бессознательным, между той частью себя, которую мы позволяем себе постоянно ощущать, и той частью, которую мы бессознательно решили не ощущать и которую, следовательно, ощущаем лишь периодически и частично, если вообще ощущаем.

Но, если мы отказываемся ощущать определенную часть себя, это не означает, что та часть, о которой идет речь, прекращает свое существование. Возможно, она не признана нами, но, тем не менее, она очень жива, и не только жива, но и наносит нам удары. Так или иначе, она даст нам почувствовать свое присутствие, обычно в обличье настроений. Внезапно мы чувствуем депрессию, или гнев, или беспокойство. Кажется, что настроение взяло над нами верх, и мы на самом деле не понимаем, почему. Иногда мы так и говорим: «Сегодня я чувствую себя не в своей тарелке» или «Не знаю, что на меня нашло сегодня», – как будто мы почти чувствуем, что, пока мы в таком настроении, мы – это кто-то другой.

К несчастью, болезненное состояние осознанности отчуждения в прошлом усугубили некоторые духовные учителя Востока, которые делали разные утверждения, не приняв в расчет различия между современной западной ментальностью и традиционным восточным взглядом на вещи. Буддийские учителя, к примеру, и многие из их западных учеников, как известно, утверждали, основываясь на авторитете учения Будды об *анатте*, что у нас нет «я» или что «я» – это иллюзия. Индуистские учителя, между тем, скажут вам, что вы – не тело, не ум, не ваши чувства, эмоции или мысли; вы, на самом деле, Бог.

Подлинная осознанность, целостная осознанность, развивается, когда мы учимся ощущать себя более полно, относиться более осознанно к тому, что мы переживаем в своем физическом теле и в своих ощущениях и эмоциях, особенно тех эмоциях, относительно которых мы предпочитаем считать, что мы их не испытываем. Одна из самых простых, но очень важных функций сангхи – в том, чтобы создать безопасную атмосферу, в которой мы можем открыться перед другими и – поскольку наши переживания признаются другими – постепенно научиться признавать их самим в большей мере.

Еще одна вещь, в которой очень большую роль играет сангха, – это помощь нам в том, чтобы мы начали осознавать, что происходит. Очевидно, нам очень сложно сказать, есть ли у нас те аспекты нашего опыта, которые мы не позволяем себе осознавать, поскольку проблема заключается в недостатке осознанности как таковой. Но наши духовные друзья зачастую могут увидеть, что происходит, лучше, чем мы сами, и найдут способ – добрый и дружелюбный, – чтобы привлечь к этому наше внимание. И, конечно, мы можем сделать то же самое для них.

Когда мы обсуждаем все это, неизбежно возникают определенные вопросы. Если осознанность заключается в переживании себя, что тогда понимается под словом «себя»? Тождественно ли это «я» сознанию? Какова связь между «я» и личностью? Это две разные вещи или одно и то же? И, опять же, что такое личность – и где в игру вступает эго? Обо всем этом говорилось немало в духовных традициях мира, в контексте философии, как древней, так и современной, и современной психологии. Это, в каком-то смысле, вариации самого главного вопроса: «Кто я?»

Я не собираюсь предложить вам обсуждение в этом контексте природы «я», хотя этот вопрос, определенно, интересен и важен. Здесь я просто хочу заметить несколько слов о терминологии. Все эти слова – я, личность, индивидуальность, эго – используются довольно свободно, но на самом деле очень важно, что они означают. Вопросы наподобие «Что такое «я»? – не просто проблема семантики, не просто игра слов. Или, скорее, это на самом деле вопрос семантики, но семантика оказывается делом величайшей практической важности, даже в духовной жизни.

Не кто иной, как Конфуций, подтверждает важность семантики. В Китае его дней (примерно во времена Будды) были сотни, даже тысячи, маленьких государств, каждое из которых управлялось князем или принцем, и, конечно, некоторыми из них управляли лучше, чем другими, что давало повод правителям, склонным к философии, к определенным размышлениям и совещаниям с мудрецами по поводу того, как лучше реформировать государство. Однажды Конфуция спросили: «Если кто-то хочет создать идеальное государство, с чего, прежде всего, нужно начать?» (Конечно, западные мудрецы, такие, как Платон и Томас Мор, также занимались этим вопросом). Легко представить, о каких вопросах начинало думать большинство людей: об обороне, государственных доходах, сельском хозяйстве, образовании, законах – даже, с натяжкой, о религии или культуре. Но Конфуций ответил: «Уточнение терминов»⁵³. Это нужно сделать в первую очередь. Вам нужно начать с того, чтобы быть точным в том, о чем вы говорите, определив термины; если вы это сделаете, приказы будут точны, а действия будут давать результаты.

Этот совет важен не только в отношении реформирования государства, но и в отношении реформирования себя. И совет Конфуция особенно уместен для нас, живущих на современном Западе. Нам дают так много советов на выбор. Есть множество духовных учителей, и все они используют похожий язык, – но используют, чтобы вести вас в противоположных направлениях. Один из них может посоветовать вам просто спрашивать себя: «Кто я?» И ничего более. Когда вы говорите, спрашивайте себя: «Кто говорит?» Когда слушаете, спрашивайте: «Кто слушает?» Когда думаете, спрашивайте: «Кто думает?» Когда вы ощущаете что-нибудь, объект не имеет значения, заботьтесь только о субъекте и спрашивайте себя: «Кто это ощущает?» Идея в том, что вы просто продолжаете снова и снова прокручивать эти вопросы в уме.

Но другой, столь же авторитетный учитель, говорит: «Нет, отбросьте все мысли о «я». Это чистая иллюзия. Именно когда мы спрашиваем себя: «Кто я?», – и начинаются все беды». А потом еще один авторитет говорит: «Осознайте великое я, узрите, что ваше подлинное я – это Бог, что вы – это великое я, которое есть Бог». А кто-то еще настаивает, что вам нужно спуститься на землю и продолжать жить своей жизнью, быть собой, развивать собственную индивидуальность, делать свое дело, развивать себя снизу вверх. А потом кто-то еще говорит: «Нет, ты должен вырвать эго с корнем, взорвать его динамитом, если необходимо». Один известный британский буддист однажды сказал на лекции, что вам нужно вырезать огромные кровотокающие опухоли «я», чтобы облегчить себе путь к духовному восхождению.

Так мы можем прийти в замешательство относительно того, что является самым фундаментальным вопросом. Мы не знаем, кому верить, поэтому мы не знаем, что делать с самым основным и в то же время самым несовершенным аспектом нашего переживания. Когда мы пытаемся уловить его, мы обнаруживаем, что мы лишь смутно осознаем, что есть нечто такое, что мы называем «я», называем это «мной». Нам вполне ясно – по крайней мере, большую часть времени – что здесь что-то есть, как это ни назови, и, по-видимому, это нечто, которое мы называем «собой» или «мной», – это то же, к чему относятся такие слова, как эго, самость и так далее. Но что такое это нечто, вокруг которого мечутся все наши переживания? И что нам нужно с этим делать? Мы, вероятно,

обнаружим, что по этому вопросу нет четкого согласия. Но переживание «меня» или «я», несомненно, наличествуют, даже если их не должно быть. Даже если мы говорим себе, что мы только «думаем», что оно здесь, что на самом деле его не существует, все же есть мысль, какой бы искаженной она ни была. Если мы хотим впасть в еще большее замешательство, можно даже подумать о том, что мы только думаем о том, что думаем, что это есть (то есть что наши мысли просто пытаются поймать самих себя за хвост).

Однако практический вопрос остается: что нам делать с чем-то, что мы называем «я» (или с мыслью о «я», потому что в итоге все сводится к тому же)? Должны ли мы развивать его, возвышать его, идеализировать его или отвергнуть его? А если мы собираемся отвергнуть его, должны ли мы искоренить его, игнорировать или подрывать изнутри? Или мы должны просто наблюдать его мягко и настойчиво, пока не увидим, что на самом деле ничего нет? Пока мы не решим этот вопрос, наша духовная жизнь более или менее стоит на месте.

Я рискну предположить, что политическое решение Конфуция – уточнение терминов – можно применить, чтобы найти выход из этого духовного тупика. Такие слова, как «я», личность, индивидуальность и эго, обладают несколько двойственным значением. Каждое из них можно или развивать, или искоренять, в зависимости от смысла, в котором используется слово. На самом деле, мы можем вычленить эти двойственные значения в отдельных словах, чтобы иметь возможность более четко определить, что нужно развивать, а что искоренять. Таким образом, есть подлинная индивидуальность и ложная индивидуальность, высшее я и низшее я, личность и индивидуальность, управление эго и эгоцентризм.

Но что лежит в основе различия между позитивными и негативными интерпретациями этих терминов? Если мы вернемся к вопросу об «осознанности отчуждения», мы увидим, что она появляется лишь по одной причине – в силу неспособности ощущать себя, особенно свои чувства и эмоции, и, что важнее всего, негативные чувства и негативные эмоции.

С практической точки зрения нам не нужно беспокоиться о реальности «я» или его отсутствия, реальности человека в каком бы то ни было метафизическом смысле. Мы осознаем себя, и, без сомнения, таково наше переживание. Задача, стоящая перед нами, – прояснить и усилить это переживание осознанности по отношению к себе, развивать высшее «я», подлинную индивидуальность и управляемое эго, и стать целостной личностью.

Следовательно, такова основа для проведения различия между отрицательными и положительными словоупотреблениями терминов «я», личность, индивидуальность и эго. Они относятся к степени целостности или объединения. Подлинная личность целостна, ложная – нет. Первую следует развивать, от второй – избавляться. То же самое справедливо по отношению к высшему «я» и низшему «я», личности и индивидуальности, управляемому эго и эгоцентризму. Первое в каждой паре этих выражений относится к переживанию, которое мы пытаемся развивать посредством духовной практики: переживанию «я» или «меня». Юнг хорошо дает понять это в следующем определении «я» (суммированном одним из его учеников): «Самость по определению содержит весь спектр качеств личности, от ее самых индивидуальных черт до самых обобщенных воззрений и переживаний, как действительных, так и потенциальных. Следовательно, она выходит за пределы существующих качеств личности. Архетип целостности или самости можно, таким образом, рассматривать как доминанту психического роста»⁵⁴. Мы обретаем это переживание, возвращая и принимая любые аспекты себя, которые мы, возможно, пытались отторгнуть от себя, и позволяя себе снова их пережить.

Вот что означает стать подлинной личностью. Но возникает вопрос: так ли уж хорошо – стать личностью? Как эта идея о развитии личности уживается со знаменитым учением Будды об *анатте* («не-я») ⁵⁵ или в целом с представлением о том, что подлинно духовная жизнь подразумевает, что мы становимся в некотором смысле «бессамостными»?

Учение Будды об *анатте*, несомненно, категорически опровергает существование «я» или чего-либо подобного. Когда я изучал Абхидхарму и буддийскую логику в Бенаресе, мой учитель частенько любил напоминать, что слово «*анатта*» (анатман на санскрите) – это составное выражение, образованное от слова «*атта*» («*атман*»), которое обычно переводится как «я», и приставки «*ан*», что означает «не» или «нет». Он продолжал, говоря, что если кто-нибудь захочет понять значение всего выражения, он сможет сделать это только после того, как поймет значение слова «*атта*». Вы не можете осознать истину не-я, если сначала не обретете некоторое представление о том, что подразумевается под «я». Возможно, это покажется очевидным, но, по-видимому, не всем. Некоторые тхеравадинские монахи были возмущены такой точкой зрения, которая показалась им совершенно еретической.

Но он был прав. Вы не можете понять, что подразумевается под не-я, пока не узнаете, какое конкретное представление о «я» отрицается этой приставкой. Из различных контекстов, в которых слово «*анатта*» упоминается в буддийских писаниях, становится ясно, что Будда стремился отвергнуть брахманское представление (которое преобладало в те времена) о постоянном неизменном «я». Он не учил тому, что наше переживание «я» - это полная и совершенная иллюзия и что на самом деле в реальности нас совсем не существует. Он проповедовал, что эмпирическое «я», психе – не устойчивое единство, что оно постоянно изменяется, и, поскольку оно изменяется, оно может развиваться. Все, что мы знаем, переживаем и именуем как «я», находится в состоянии постоянного потока – и именно это имеется в виду под «*анаттой*». Следовательно, цель учения об *анатте* чрезвычайно практична. Его следует воспринимать не как метафизическое утверждение, а как средство сохранять ясность на пути к Просветлению. Только если мы понимаем, не просто интеллектуально, но в глубине своего сердца, что в сущности нашего опыта нет ничего устойчивого, мы можем эволюционировать.

Глава 11.

Выход за пределы «я»

Основная цель упоминания моего любимого западного философа в этом контексте – познакомить вас с одной из его идей, которая объясняет определяющую характеристику буддийского пути. Мне кажется, что с точки зрения буддизма, работы Ницше содержат самую важную из всех традиций мысли, которые были созданы на Западе. Следовательно, я собираюсь вкратце обрисовать жизненный путь и труды Ницше, а затем сравнить его центральное представление о сверхчеловеке или высшем человеке – и смежные идеи, особенно касающиеся непрерывного процесса эволюции внутри личности – с буддизмом как воплощением или примером этого постоянного эволюционного процесса.

Я познакомился с работами Ницше в возрасте примерно восемнадцати лет, в начале армейской службы, когда я все еще был в Англии. Однажды, великолепным летним днем, воспользовавшись выходным, я отправился на Бокс-хилл, известное своей живописностью место в Сюррее, лег на траву под сияющим солнцем и стал читать «Так говорил Заратустра». Сочетание глубокомысленности и прекрасной поэзии в этой самой известной и популярной из работ Ницше произвело на меня столь огромное впечатление, что, когда я поднял глаза, мне почти показалось, что его слова были написаны алыми буквами на голубом небе. С того самого дня я пристрастился к Ницше и снова и снова возвращался к его книгам.

Ницше родился в Германии в 1844 году в семье лютеранского пастора. (На самом деле именно Ницше сказал, что лютеранский пастор был отцом немецкой философии). Его отец умер в 1849 году, и Ницше провел остаток детства в окружении женщин – матери, сестры, бабушки и двух незамужних теток, – до тех пор, пока его не отправили в пансион. Он учился в университетах Бонна и Лейпцига, где изучал классическую филологию и был назначен на кафедру филологии в Базеле в возрасте 24 лет, еще даже не закончив образования, по рекомендации выдающегося ученого и филолога Ричла, на которого произвели глубокое впечатление студенческие работы Ницше. В Базеле Ницше особенно заинтересовался философией Шопенгауэра и музыкой Вагнера и в 1872 году опубликовал свою первую книгу, «Рождение трагедии». За ней последовали другие работы, но в 1870 году, когда ему было всего 35 лет, он отказался от своего университетского поста, прервал свою ученую карьеру и в дальнейшем провел большую часть своей активной жизни в Швейцарии и Италии.

Он вел крайне одинокую жизнь; на самом деле, ни одного человека не могут не тронуть детали его изолированной и полной боли жизни. Он почти полностью был посвящен самому себе и не понят никем, кроме одного или двух своих друзей, с которыми он переписывался. Он был также психически нездоров и по временам испытывал почти невыносимые мучения. Он продолжал писать до 1888 года, а в период между 1883 и 1885 годами создал «Так говорил Заратустра». Но эта работа не получила практически никакого признания. Когда вышла четвертая часть книги «Так говорил Заратустра», было продано лишь несколько десятков экземпляров. А в 1889 году Ницше сошел с ума и умер, не оправившись от этого состояния, в 1900 году, в возрасте 55 лет.

Что касается мыслей Ницше, к ним едва ли применимо слово «философия». Ницше выдвинул несколько ослепительных идей, которые, несомненно, связаны между собой – или, по крайней мере, основные из них связаны. Тем не менее, он не ставил себе целью прийти к логически полному истолкованию всего существования или опыта в целом. Его великие предшественники – Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр – предпринимали попытки создания систематической философии, но Ницше не был систематизатором. Он

не стремился воздвигнуть одинокое гигантское здание мысли, в котором может уместиться все. На самом деле, он настаивал на иконоборческом парадоксе, согласно которому «стремление к системе – это стремление к утрате целостности»⁵⁶.

Следовательно, за исключением «Так говорил Заратустра», все поздние работы Ницше – это просто цепочки афоризмов. Можно сказать, что Ницше – мастер афоризма. По-видимому, никто другой не сумел сказать так много в столь немногих словах. Его единственный возможный противник, насколько я могу судить, – это Уильям Блейк с его «Адскими притчами» из «Бракосочетания Рая и Ада», и там Блейк, возможно, еще более лаконичен, чем сам Ницше. Но это была единственная попытка Блейка писать в данной форме. Он написал «Адские притчи», когда был довольно молод, а с возрастом стал гораздо более многословен. Ницше же, напротив, стал чрезвычайно афористичен и искрометен, разрушителен и мятежен с возрастом, и его высказывания все больше и больше походили на раскаты грома или удары молота.

Афористический и бессистемный подход Ницше не случаен. Он афористичен, потому что решает быть таким. На самом деле, это сущность его метода. Некоторые из его афоризмов обладают чем-то, напоминающим дух высказываний дзенских мастеров Китая и Японии. Каждый из них глубоко проникает в реальность существования с определенной точки зрения и заключает в себе собственную суть. Истина одного афоризма не зависит от истины другого, между ними нет подобной логической связи.

Кольридж однажды сказал о великом актере Чарльзе Кине: «Видеть его игру – словно читать Шекспира во вспышках молнии». Подобно этому, читать Ницше – словно пытаться увидеть пейзаж (пейзаж человеческого существования, если хотите) в прерывистом, но сверкающем освещении вспышками молнии. На мгновение, лишь в нескольких словах, все как будто заполняется светом, и мы видим все ясно с данного конкретного угла. А затем – абсолютная тьма. Затем мы читаем еще один афоризм, и еще одна вспышка в другом направлении освещает иную часть неба, и все снова проясняется, прежде чем опять не спускается тьма.

Нам кажется, что вспышки молнии озаряют нам разные пейзажи. На каком-то уровне мы знаем, что это один и тот же пейзаж, но нам трудно собрать воедино проблески, которые озаряет молния, в гармоничное, всеобъемлющее зримое целое. То же самое и с работами Ницше: это вдохновляющее чтение, но его очень трудно изложить систематически.

Однако в действительности это означает, что мы можем рассматривать афоризмы Ницше сами по себе, не стремясь обязательно соотнести их с остальными его работами, и именно этим я предлагаю заняться далее. Афоризмы, которые я буду рассматривать в этой главе, касаются его идеи о «сверхчеловеке», «преодолении я» и «Воли к Власти».

Я поместил слово «сверхчеловек» в кавычки по двум причинам: во-первых, чтобы отметить, что это не буквальный перевод изначального немецкого слова, употребленного Ницше, а, во-вторых, как предупреждение не связывать с идеей Ницше определенные сомнительные смыслы, которыми она была окружена с тех самых пор, как нацисты использовали ее в своих собственных целях (и, конечно, для того, чтобы провести различие между «сверхчеловеком» и суперменом, одноименным героем комикса).

Слово, которое использует Ницше – «Übermensch», что буквально означает не суперчеловек, а «сверхчеловек» или даже «высший сверхчеловек». Übermensch – это человек, который стоит над и выше, который превосходит человеческих существ, каковы они есть в настоящем. Можно даже говорить о сверхчеловеке как о «запредельном человеке». Другими словами, ницшеанский сверхчеловек обладает не нынешней

человеческой природой в превосходной степени, но совершенно иной человеческой природой.

Мы будем употреблять слово «сверхчеловек» как популярную передачу ницшеанского термина *Übermensch*, поскольку пьеса Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек» продолжает быть в англоязычном мире самым важным культурным выражением идеи Ницше. Шансы того, что работу Шоу в этом отношении может что-то затмить, более или менее сведены к нулю тем прискорбным фактом, что после своей смерти весь образ мысли Ницше был безнадежно искажен и испорчен в популярном понимании. Он был искажен, прежде всего, его сестрой, а после этого – теми, кто пытался связать идеи Ницше с нацистской идеологией. Лишь сравнительно недавно мысли Ницше были извлечены из огромной массы их неверных толкований и, по крайней мере, истолкованы более точно, особенно Вальтером Кауфманном⁴⁷.

Чтобы по-настоящему получить представление о Ницше, нам нужно посмотреть, как он преподносит свой материал, который, как подразумевает название «Так говорил Заратустра», довольно индивидуален. Заратустра Ницше имеет мало с Заратустрой или, как его часто называют, Зороастром, который является историческим основателем древней веры зороастрийцев. Заратустра Ницше – вымышленный персонаж, он просто выражает идеи самого Ницше. Однако у двух Заратустр есть одна общая черта – у них есть послание для человечества.

Вступительная часть работы, озаглавленная «Пролог Заратустры», изображает, как он сходит с горы; это, безусловно, символично и должно быть как таковое. Заратустра пребывал на горе десять лет, размышляя и медитируя, и теперь его мудрость созрела, и он хочет поделиться ею с человечеством. По дороге вниз его узнает святой отшельник, который долгое время жил в лесу у подножия горы и запомнил, как годами ранее Заратустра поднимался на гору. Отшельник пытается убедить Заратустру не покидать горы: «Люди столь неблагодарны и растерянны. Не теряй время, бродя среди них; лучше быть отшельником и жить в лесу с птицами и зверями, забыть о мире людей и просто поклоняться Богу». Но Заратустра оставляет отшельника молиться в лесу, и, продолжая путь, говорит себе: «Возможно ли, чтобы этот святой старец в лесу не слышал ничего о том, что Бог умер?»⁵⁸

Оглушительная реплика о том, что Бог мертв, составляет одну из самых важных идей Ницше, и ее отголоски звучали весь двадцатый век, дав начало целому теологическому движению «смерти Бога». Ницше был первым, кто увидел, что Бога больше нет сверху, на небесах. На самом деле, он ясно увидел нечто, что с тех пор увидели многие другие люди, хотя некоторые все еще утверждают, что он совершенно не прав. Он увидел, что ортодоксальное христианское учение с его верой в личного Бога, Высшее Существо, Творца, и его доктриной греха и веры, оправдания и искупления, восстания из мертвых, мертво, окончено, потеряло смысл. Его заявление предвредило начало того, что некоторые обозначают как пост-христианскую эпоху. А если Бог мертв, мертво и христианское представление о человеке. Представление о человеке, как о падшем существе – существе, которое, будучи непослушным и греховным, нуждается в искупительной милости, существе, которое будут судить и впоследствии накажут, – больше не соответствует действительности. Все старые догмы отброшены.

Поэтому мы нуждаемся в новом представлении о том, кем и чем являются человеческие существа. Мы обнаруживаем себя во Вселенной без Бога – мы предоставлены самим себе – и, следовательно, должны попытаться понять себя заново. Мы больше не можем принимать готовые ответы. Мы обнаруживаем себя здесь и сейчас, посреди звездной вселенной, в которой мы окружены другими существами, подобными

нам, с историей, которую мы оставили позади, и, вероятно, с будущим, которое нас ждет впереди, и каждый из нас должен задать себе – не кому-то другому, потому что никто не может этого сказать, – главный вопрос: «Кто я? Что я?»

Теперь, когда старые определения ушли в прошлое, нам нужно заново определить себя, открыть себя, узнать себя. Так или иначе, именно этим Заратустра занимался на горе. Он думал, размышлял и медитировал десять долгих лет, и теперь он знает, что такое человек, и несет послание о том, что он узнал, человечеству. Поэтому Заратустра приходит в город на опушке леса, входит в этот город и находит на площади толпу людей. Они собрались не для того, чтобы послушать его, – они даже не знали, что он идет. Они собрались посмотреть на странствующего канатоходца. Но, поскольку этот артист еще не появился, Заратустра, воспользовавшись возможностью, говорит с ними.

Его первые слова, обращенные к людям на базарной площади, и, через них, ко всему человечеству, таковы: «Я даю вам учение о сверхчеловеке. Человек – это то, что нужно превзойти». Затем он спрашивает: «Что вы сделали, чтобы его превзойти?» – под чем он подразумевает «Что вы сделали, чтобы превзойти себя?» В этих словах Заратустры в прологе Ницше указывает, что эволюция никогда не останавливается. В процессе эволюции каждый вид существ создавал нечто, выходящее за свои пределы, давая начало чему-то высшему, чем он сам, на шкале эволюции – и нет причин предполагать, что этот процесс остановится на человеческих существах. Взгляд Ницше на эволюцию здесь довольно примитивен, но его не следует воспринимать буквально как заключение о достижении цели.

Как обезьяны создали человеческих существ, так и мы, совершив более дерзкий и грандиозный прыжок, должны теперь создать новый вид существ. Мы делаем это, превосходя самих себя, и, как продолжает Ницше, начинаем этот путь с того, что учимся относиться к себе с презрением, учимся быть разочарованными и неудовлетворенными собой. Только когда мы начинаем смотреть на себя сверху вниз, мы можем начать подниматься над собой и становиться выше, величественнее и благороднее, чем есть.

Нужно подчеркнуть, что сверхчеловек Ницше – это не результат эволюции, хотя бы отдаленно напоминающей цепочки Дарвина. Для Ницше сверхчеловек не создается автоматически, в результате общего слепого действия эволюционного процесса. Ницше проводит строгое различие между тем, что он называет Последним Человеком и сверхчеловеком. Последний Человек – это просто наиболее поздний результат общего, коллективного эволюционного процесса, а не высший вид. Сверхчеловек, напротив, будет результатом индивидуальных усилий человека для того, чтобы подняться, даже воспарить над собой. Именно на основе этого различия между Последним Человеком и сверхчеловеком Ницше способен отмежеваться от искусственных идей XIX века о человеческом прогрессе как непрерывном коллективном социальном развитии. Как считает Ницше, мы должны сами сделать для этого что-нибудь, это наш индивидуальный выбор.

Ницше не всегда высказывается по этому вопросу, но, по-видимому, он утверждает, что, в то время как дарвинистская эволюция коллективна, эта высшая эволюция, как я ее называю, индивидуальна. В его ярком видении человечество предстает как мост, протянутый над бездной между зверем с одной стороны и сверхчеловеком – с другой⁵⁹. Другими словами, он говорит, что, если мы хотим быть подлинным человеком, это подразумевает долю риска. Мы представляем собой нечто переходное, а не конечную точку. Следовательно, мы должны жить без защиты, даже жить в опасности. Мы не должны стремиться к уюту и комфорту. Мы должны жить для чего-то, не являющегося нами, если хотим быть подлинными. Это другое, ради чего каждой личности нужно и

должно жить, – сверхчеловек.

Для Ницше поворотный момент, великий водораздел эволюционного процесса, проходит не между животным и человеком, но между человеком, который все еще является животным, и человеком, который является подлинным человеком. Это коренное различие: на самом деле, воззрения Ницше относительно того, что составляет человеческую природу, местами слишком радикальны и требовательны, чтобы буддист смог опираться на них. Он говорит, что на самом деле большинство человеческих существ – вовсе и не люди, а животные.

С точки зрения буддизма, человеческое измерение включает большой спектр развития в рамках самосознания или осознанности. Большинство человеческих существ регулярно мечутся между своей животной природой и состояниями ума, характеризующимися человеческими склонностями, а иногда и более возвышенными, целостными состояниями ума, которые традиционно ассоциируются с измерениями богов. Ницшеанское определение человечества намного уже и, несомненно, не слишком льстит среднему человеку. Людям не нравится слышать, что им не хватает подлинной человеческой природы.

Следовательно, неудивительно, что, когда Заратустра говорит с людьми на базарной площади о «сверхчеловеке», они просто смеются над ним и больше интересуются канатоходцем. Для Ницше в категорию настоящих людей, в собственно человеческое измерение, входят только философы, художники и святые. А сверхчеловек, несомненно, превосходит и их. Кауфманн, истолковывая Ницше, говорит о нем: «На самом деле он утверждает, что пропасть, отделяющая Платона от обычного человека, больше, чем разрыв между обычным человеком и шимпанзе»⁶⁰.

На самом деле, Ницше выделяет три категории. Первая – животное измерение, которое включает и большинство человеческих существ – человеческих существ лишь по наименованию, можно сказать. Вторая состоит из собственно человеческого измерения. А третья – это категория сверхчеловека. Ницше также говорит о том, что он называет «предварительных людей», которые, по-видимому, являются промежуточным звеном между человеческим измерением и измерением сверхчеловека: это те, кто склонны искать во всех вещах тот аспект себя, который нужно преодолеть. Однако он не дает ясного ответа на вопрос о том, как они отличаются от и без того узкой категории подлинных людей. Если сверхчеловек – это идеал Ницше, подлинные люди – те, кто к нему стремятся и вовлечены в процесс преодоления себя – то есть люди искусства, философы и святые.

Человек делает это, преодолевает себя, когда «отделяет свой характер»⁶¹. Под этим Ницше подразумевает, что мы не должны принимать себя как готовый продукт. Он сокрушается, что характеры большинства людей не особенно отделаны, почти как если бы они были фабричными изделиями или не более чем сырьем, из которого можно сформировать настоящий индивидуальный стиль. Он отстаивает ту точку зрения, согласно которой к жизни и характеру нужно относиться всего лишь как к сырью и создать из него что-нибудь.

Обычно мы считаем свой характер, темперамент, личные характеристики или качества данностью. Мы представляем, что зажаты в рамках того, что мы есть, на всю оставшуюся жизнь. Если мы склонны быстро впадать в гнев, то мы таковы, мы скованы этим. Если мы чувствительны или робки, опять же, такие уж мы есть, – как мы считаем, это ничем не отличается в принципе от того, что мы родились высокими или нет. Но согласно Ницше, мы, возможно, и сошли с длинной конвейерной ленты, заключающейся в нашей генетической наследственности и родительском влиянии, но нам еще предстоит

долгий путь. Мы не готовый продукт. На самом деле, мы только в самом начале пути.

На самом деле, Ницше говорит, что мы должны работать над самими собой, создать себя, в каких бы условиях мы не оказались, как гончар создает нечто прекрасное из куска глины. Как можно взять тяжелую, липкую массу, погрузить в нее пальцы и начать придавать ей формы, так же можно и придать форму себе. Если вы начнете с того, что будете честны с собой и признаете, что так или иначе не имеете формы человеческого существа, вы можете начать лепить из этой грязной, бесформенной, напоминающей тесто массы нечто лучше.

В качестве примера человека, который придал отделку своему характеру, Ницше приводит Гете. Гете, живший с 1749 по 1832 годы, был величайшим из немецких поэтов, выдающимся драматургом и новеллистом, а также мыслителем, ученым и мистиком, но Ницше особенно восхищалось одно его качество – то, что он все время пытался создать что-то из себя. Он был – как мы уже отметили – личностью. Из его биографий, из записей его бесед явствует, что на протяжении всей своей долгой жизни, более чем восьмидесяти лет, он всегда работал над собой, точно также как работают над стихотворением, романом или научным трактатом. Это также было очевидно его современникам. Когда Наполеон впервые встретился с Гете, он воскликнул, довольно спонтанно: «Посмотрите, вот человек!» Принимая во внимание, что Наполеон к тому времени покорил Европу, а политический статус Гете был ничтожен (он был всего-навсего отставным министром маленького германского государства), это подразумевает, что Гете преуспел в главной цели своей жизни. Из малообещающей массы распущенных страстей и диких идей своего юношеского «я» Гете создал человека в самом полном и подлинном смысле, и именно это увидел в нем Наполеон.

Мы отметили, что Ницше пришел к идее сверхчеловека, размышляя над природой эволюционного процесса в целом. Согласно тому, как он понимал природу существования, жизнь – не только человеческая жизнь, но вся жизнь – это нечто, что должно постоянно преодолевать себя. Она никогда не удовлетворена собой. Она должна постоянно, на каждом уровне, выходить за свои пределы. Жизнь, можно сказать, – это процесс выхода за пределы самой себя.

Это внутренне присущее нам стремление – то, что Ницше называет Волей к Власти⁶². Это выражение, которое появляется в работах Ницше довольно поздно, подобно «сверхчеловеку», было во многом неверно понято и, к прискорбию, неправильно истолковано как несущее в себе подозрительные политические или даже милитаристские оттенки. Но под властью – с большой буквы «В» – Ницше понимает отнюдь не что-то материальное. Конечно, то, что он имеет в виду, не имеет ничего общего с политикой. Воля к Власти – это желание более полноценного, благородного и возвышенного существования, качественно новой жизни, нового ее измерения. И в особенной мере это стремление к достижению идеала сверхчеловека.

Ницше подчеркивает, что этот высший уровень существования достижим только в той степени, в которой оставлен позади, отвергнут, даже разрушен низший уровень существования. Это подводит нас к ключевому аспекту Воли к Власти и подходу Ницше в целом, который заключается в бескомпромиссном иконоборчестве. Ницше рассмотрел общепринятые ценности, общепризнанные идеи добра и зла, и довольно категорично и беспощадно призывал к тому, чтобы выбросить их, подобно мусору. Иначе, утверждал он, невозможно создать сверхчеловека.

Поэтому Ницше крайне беспощаден и бескомпромиссен в порицании обычного человека и его потребностей, недостойных человека. Мы привыкли считать, что иудейские

пророки – Амос, Иеремия и Второисайя, например – были ужасны в своих обвинениях человеческого тщеславия, но они – сама кротость по сравнению с Ницше. Он призван сокрушить – как он это выражает – все старые скрижали закона. У него не было времени на современную культуру или цивилизацию в целом. Ницше, несомненно, самый разрушительный – в полном, буквальном смысле этого слова – критик того, что когда-либо создавала человеческая раса. Он всецело и полностью предан своему отрицанию человеческих существ, какими мы их знаем, всех их творений и воззрений. Он говорит просто, что все они должны уйти – не из одной личной неприязни, но просто потому, что они стоят на пути. Их нужно превзойти, они должны дать дорогу сверхчеловеку.

Ключевой чертой иконоборчества Ницше является то, что, отрицая существующие ценности и модели поведения, он отрицает не что-то внешнее по отношению к человеку. Вопрос не в том, чтобы отринуть ценности других людей, а в том, чтобы отринуть свои собственные. Именно себя мы должны превзойти. Именно с собой мы должны вести бескомпромиссную битву. Любовь Ницше к военной терминологии – еще один источник неверных толкований, но враг – это всегда мы сами.

В «Дхаммападе» мы обнаруживаем призыв самого Будды присоединиться к этой бескомпромиссной схватке: «Даже если некто победит тысячу человек в битвах тысячу раз, все же тот, кто покоряет себя, обрел более славную победу»⁶³. Но насколько далеко мы можем зайти в этом сходстве или даже сравнении учения Ницше и учения Будды? Ницше действительно знал кое-что о буддизме, но в его дни лишь немногие буддийские тексты были переведены, и он не знал достаточно даже для того, чтобы вывести какое-то уравновешенное суждение относительно буддизма. Например, он имел мало понятия о позитивном наполнении идеала состояния Будды, и в его представлении о сверхчеловеке мало такого позитивного наполнения. Это едва ли удивительно в свете того факта, что сверхчеловек Ницше – продукт его ума. Это творение блестящего интеллекта, обладающего прозрениями и интуицией гения, но это все же интеллектуальная интуиция, а не результат запредельного осознания. Следовательно, представление о сверхчеловеке ни в коей мере не равноценно представлению Будды о Просветленной человеческой природе.

Однако идея сверхчеловека определенно указывает в том же направлении, и веревка Ницше, натянутая над пропастью между зверем и сверхчеловеком, следовательно, в целом соответствует буддийскому пути, потому что этот путь – мы сами. Мы – не что-то застывшее, мы развиваемся и эволюционируем. Согласно буддизму, как и согласно Ницше, мы следуем этому пути, постоянно преодолевая себя и поднимаясь все на новый и новый уровень.

Если осмелиться, можно даже сказать, что Воля к Власти в целом соответствует Воле к Просветлению. Обе активны. Обе – мощные волевые устремления. Обе относятся не просто к размышлению о высочайшем достижимом идеале, но к его действительному достижению. Первый – это идеал сверхчеловека, в то время как второй – это, конечно, идеал состояния Будды, Высшего Просветления на благо всех живых существ. И достижение обоих идеалов требует преодоления нашей более узкой индивидуальности, наших низших «я», мелких ценностей, низменных идей любого рода.

Установив это очевидное сходство, мы можем отметить два столь же очевидных различия. Воля к Просветлению, бодхичитта, более альтруистична, в большей мере учитывает других, более универсальна⁶⁴. Это проявление в личности универсального, космического принципа. Конечно, Заратустра, который должен служить примером сверхчеловека, тоже хочет – по-видимому, это ключевой аспект его достижения – поделиться своей мудростью с человечеством. Но Воля к Власти по своей сути более индивидуалистична, чем Воля к Просветлению.

Второе отличие между учением Будды и идеями Ницше заключается в методе. Ницше подводит нас к необходимости неудовлетворенности собой и преодоления себя для того, чтобы создать сверхчеловека, с ослепительной ясностью, более, чем какой-либо другой западный философ или мыслитель. Но, к несчастью, ему не удается – как бы возвышенно он ни писал – показать нам, как это сделать. Он говорит: «Преодолей себя», – но ничего не говорит о том, как это сделать. У него нет практических инструкций – он только призывает нас к этому. Буддизм, напротив, будучи древней духовной традицией, обладает многими методами, упражнениями и практиками преодоления себя.

Это совершенно меняет дело. Не так уж и трудно увидеть, что кто-то болен, но лишь искусный врач может прописать метод лечения, который нужен для поправки. Ницше, несомненно, рисует мрачную и яркую картину болезни современного человечества, болезни, которая в каком-то смысле и есть человечество, и также дает точный диагноз. Затем он переходит к изображению сияющей и вдохновляющей картины пациента, совершенно восстановившего здоровье. Но он не предлагает ничего, что связало бы воедино эти две убедительные картины. Ницше не одинок в этом: почти вся западная философия страдает этим же недостающим звеном. Она полна абстрактных размышлений, и некоторые из этих размышлений, подобно ницшеанским, пульсируют интеллектуальной энергией, но ей обычно недостает какого бы то ни было практического содержания.

К счастью, в буддизме мы обнаруживаем не только абстрактный идеал, но и практические средства его достижения, предписанный нам образ жизни. Тем не менее, буддисты могут многому научиться у Ницше с его бескомпромиссным видением верно понятого человеческого идеала. Величественная перспектива Ницше в соотношении с ясным путем практики и поддерживающих условий (сангхи) в буддизме дают нам возможность полного преображения человеческой природы, которого так жаждал Ницше. Это лишь один из путей, с помощью которых сотрудничество между западной философией и восточными духовными традициями может принести замечательные плоды.

Глава 12.

Человек искусства как подлинная личность

В последних нескольких главах мы начали обрисовывать картину подлинной личности. Мы проследили развитие личности в контексте эволюционного роста и изменения. Мы также отметили два отличные друг от друга, даже явно противоречащие друг другу этапа роста личности: во-первых, необходимость признать и объединить все аспекты себя, включая те, которые мы предпочли бы *не* признавать, а затем, на основе этой целостности, необходимость начать движение за пределы себя – «самопреодоление», по выражению Ницше. Более того, мы увидели, что буддизм можно рассматривать как путь высшей эволюции, поскольку он предлагает особые методы и практики, с помощью которых личность может придать себе форму.

Может показаться странным, что мы уделяем так много внимания качествам личности в книге о духовном сообществе, но, как мы видели, по своей сути сангха заключается не в организации или религиозном положении, но исключительно в общении между личностями. Поэтому крайне важно, чтобы мы понимали природу личности.

В заключительной части книги мы расширим поле наших исследований и рассмотрим виды отношений, которые являются неотъемлемой частью жизни любого отдельного буддиста – рассмотрим сангху в самом широком смысле. Но прежде я хочу познакомить вас с еще одним, последним аспектом личности. Мы увидели, что подлинная личность характеризуется самосознанием или осознанностью, положительными и возвышенными эмоциями, независимостью ума и свободой от групповой обусловленности, творчеством и свободно текущей энергией, одиночеством и частой непопулярностью. Мне приходит в голову, что эти характеристики можно также отнести и к человеку, который, возможно, обычно не ассоциируется с духовными вопросами – к человеку искусства.

Как мы отметили, именно человеку искусства (наряду с философом и святым) Ницше приписывал способность самопреодоления. Но почему? Какова связь между искусством и духовным ростом? (Слово «искусство» в этом контексте относится ко всем изящным искусствам – живописи, скульптуре, поэзии, музыке, архитектуре и так далее). Я хочу предположить, что, помимо того, что он причастен к духовной жизни посредством создания произведений искусства, имеющих священное значение, человек искусства сам по себе представляет собой определенный аспект проявления высшей эволюции. Это, безусловно, не означает, что человек не может быть частью высшей эволюции человечества, не будучи причастным к искусству. Но невозможно быть подлинным творцом какого бы то ни было произведения искусства, не будучи в то же время частью высшей эволюции, духовной жизни.

Это может показаться восхвалением художника, которое для многих будет неправдоподобным. Многие люди не придают искусству и его творцам большой ценности в сравнении с тем, что они признают важными или серьезными видами деятельности. Искусства иногда рассматриваются, как приятная, но ничтожная деятельность – «это не работа для настоящего человека» – или как тайная роскошь привилегированной элиты, имеющая мало отношения к остальным. Нужно отметить, что обращение к жизням различных артистических кругов прошлого и будущего, по-видимому, не оправдывает подобной точки зрения. Например, разносторонне одаренная семья Ситуэллов, которая сама по себе образовывала литературный кружок, описывается во многотомной биографии, благодаря которой в основном и известен Осберт Ситуэлл. Его воспитание в яркой и эксцентричной семье в обширном и беспорядочно построенном старинном

поместье позволило ему рассказать много хороших историй, и он рассказывает их очень увлекательно. Но одна из этих небольших историй иллюстрирует как раз то, как стала чужда работа художника ценностям большинства обычных людей.

По-видимому, Осберт жил в одном крыле этого поместья, а его сестра Эдит – в другом, и между ними было полмили коридоров, по которым регулярно перемещался небольшой штат слуг. Однажды он позвонил в колокольчик, чтобы позвать горничную, и попросил ее передать сестре записку, «если она не занята». «Но», – предупредил он горничную, – если она чем-нибудь занята, не беспокойте ее, просто верните мне записку». Спустя пятнадцать минут горничная вернулась без записки, и Осберт спросил ее: «Что ж, моя сестра не была занята?» На это горничная ответила: «Да, сэр, именно так, она ничего не делала, она просто писала».

Несмотря на уважение, с которым люди относятся к некоторым великим произведениям искусства прошлого, для большинства людей творческий труд все еще ничего не значит, является «ничего неделанием», и, следовательно, деятельность человека искусства воспринимается неправильно. И, конечно, очень редко искусство – как я полагаю – воспринимается как часть духовной жизни, а художник – как настоящая (или возможная) подлинная личность. Но по небольшому размышлению становится очевидным, что великий человек искусства на самом деле обладает характеристиками, которые мы определили как аспекты личности.

Прежде всего, человек искусства жив в большей мере, чем другие люди. Подтверждение этому – артистическая чувствительность в лучшем смысле этого слова. Художник, например, гораздо более глубоко осознает различия в форме, контурах и цвете, чем другие люди. Если вы отправляетесь на загородную прогулку в компании художника, вы заметите, что он видит больше, чем вы. Он привлечет ваше внимание к очертаниям дерева на фоне неба или ярким цветам опавшей листвы, увядшему цветку или синим теням, которые деревья отбрасывают на траву. Художник пробуждает в остальных людях более острую осознанность по отношению к тому, что происходит во внешнем мире форм, очертаний и цветов.

У музыканта, соответственно, более чуткое ухо. Он может определить различия в музыкальной высоте и ритме, которые вряд ли существуют для большинства из нас. Например, за тонкостями игры на табла в индийской музыке удивительно трудно уследить даже опытному уху. На барабанах играют с такой невероятной мягкостью и возвышенностью, что он походит на шепот, который время от времени переходит в ворчание и переплетается с другими, более резкими голосами. Если человек обладает опытом и восприимчивостью, чтобы это услышать, у него может возникнуть четкое ощущение, что барабан говорит, общается, в то время как человеку, не обладающему подобной степенью развития слуха, услышать этот язык будет невозможно.

Поэт, несомненно, столь же чувствителен к различным тонам и ритмам слов. Все мы постоянно используем слова, но чаще всего используем их неосторожно и грубо, не осознавая полностью их значение и ощущения, которые они передают, их текстуру. Эдит Ситуэлл, например, описывала различные значения слов так, что это обнаруживало ее необычайную восприимчивость к ним. Некоторые слова, говорила она, «грубы», «волосаты» или «тяжелы», в то время как другие – «гладкие» и «легкие». Подобное осознание отличительных характеристик слов выходит далеко за пределы возможностей каждого из нас⁶⁵.

Но люди искусства не только остро осознают внешний мир или чувственные впечатления; они особенно осознанно относятся к своим собственным реакциям на все эти

вещи, своим собственным ментальным и эмоциональным состояниям. Они не просто размышляют об этих состояниях чаще, чем другие люди, – они на самом деле ощущают их более насыщено. Более того, человек искусства обычно более осознанно относится к другим людям. Это зримо выражается в работах великих портретистов, драматургов и новеллистов, в которых люди действительно предстают как живые. В выдающихся портретах есть своего рода духовные биографии. Например, знаменитый портрет Папы Иннокентия X кисти Веласкеса – подробное прочтение очень безнравственного человека. Вы чувствуете, что можете увидеть на его лице – в его холодных глазах, очертаниях рта, мрачном, застывшем выражении лица – все, что он совершил. Такое лицо может принадлежать только человеку, который достиг своего положения злоупотреблениями, и все же вы видите и то, что этот путь вверх был возможен и благодаря другим его человеческим качествам и порокам. Художник увидел все это и поместил на полотно.

В пьесах Шекспира и романах Джорджа Элиота можно обнаружить ту же способность видеть с такой яркостью, которая способна воплотить с абсолютной убежденностью жизнь другого человеческого существа. Если вкратце обратиться к человеку искусства, который стоит где-то посреди между живописцем и новеллистом, я должен сознаться, что, будучи гораздо моложе, я представлял, что серии изображений Хогартом лондонской жизни его времени, такие, как «Карьера мота» и «Модный брак», были карикатурными, что в своих сатирах он преувеличивал ради эффекта, подчеркивал черты. Но, лучше узнав жизнь и ближе понаблюдав людей, я пришел к убеждению, что Хогарт был чудовищно точен, и люди действительно таковы. Он увидел людей такими, как они есть, и такими же изобразил их в своих картинах и гравюрах, с ужасающей беспристрастностью⁶⁶.

Следовательно, человек искусства осознает внешний мир, самого себя и других людей. Человек искусства также осознает нечто, что находится за пределами всего этого. Он каким-то непостижимым образом осознает саму реальность – не в том смысле, что размышляет над представлением о реальности с большой буквы, но в том смысле, что он глубоко воспринимает значение и тайну существования и откликается на них. Человек искусства чувствует присутствие этой тайны существования, будь это существование космоса или человека.

В результате этой возвышенной и развитой чувствительности и осознанности человек искусства отличается положительными и утонченными эмоциями, в особенности способностью сопереживать другим и улавливать свои самые непостоянные и тонкие умственные впечатления.

Подлинный художник также независим по духу и во многом свободен от групповой обусловленности. Люди искусства, не колеблясь, идут своей дорогой, остаются собой. На самом деле, они с давних пор известны тем, что отрицают условности, обостряют ситуацию, отказываются подчиняться, отказываются делать то, чего от них ждут или что вызовет меньше возражений. Относясь к жизни подобным образом, они не просто ведут себе эксцентрично, испорченно или создают проблемы. Они просто пытаются жить своей собственной жизнью и быть самими собой.

Далее, люди искусства, несомненно, причастны творчеству. Это не обсуждается. Что более важно, человек искусства творит новые ценности, которые не существовали, не ожидалось или не воспринимались ранее. Однако, наряду с этим, люди искусства и просто довольно плодovitы, а в случае с величайшими художниками, чрезвычайно плодovitы. Их энергия течет с необыкновенной жизненной силой. Количество на самом деле сочетается с высочайшим качеством (хотя, конечно, не наоборот). Шекспир, Гете и Лопе де Вега были очень плодovitыми писателями, а древнегреческие драматурги создали

намного больше тех пьес, который уцелели до наших дней. Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт и Шуберт – все они обрушивались более или менее не прекращаемой лавиной музыки, а Тициан, Рубенс и Рембрандт оставили после себя огромное количество полотен.

Когда мы читаем биографию любого великого человека искусства, нас поражает, иногда удивляет, лицемерие его непрерывного потока творческой энергии. Вы удивляетесь, как, ради всего святого, им удавалось вместить всю эту работу в столь короткую во многих случаях, как у Моцарта, жизнь, или совместить ее, как Бах, с очень занятой жизнью отца двадцати детей, или, как в случае с многими великими людьми искусства, с весьма неблагоприятной ситуацией в семье. Как бы вы ее не рассматривали, подобная творческая сила требует большого количества тяжелой работы. Эти творцы не бездельничали, ожидая, пока к ним не снизойдет вдохновение. Они просто жили с ним, утром, днем и вечером. Они садились за письменный стол или вставали за мольберт с первыми лучами солнца и работали, пока им позволяли это их дела, каждый день, в некоторых случаях годами не имея передышки, до самой старости.

И, наконец, люди искусства по своей сути одиночки, они изолированы от массы по причине своей большей осознанности, индивидуальности и даже творческой силы. Слишком, слишком часто обычные люди не могут понять, почему художники и писатели должны прикладывать столько усилий к словам, звукам, линиям, цветам и формам. Вне всякого сомнения, другое слово, форма или цвет подойдут не хуже, чем любые подобные – так зачем так беспокоиться об этом? Так ли уж важна на самом деле точная деталь или музыкальная последовательность, по большому счету? Если вы добавите запятую или уберете точку, что на самом деле изменится? Так ли уж все эти мелочи бесценны? Но для художника эти вещи имеют первостепенное значение.

В результате почти полного отсутствия симпатии и понимания со стороны обычных людей к тому, что он делает, человек искусства обычно не популярен и иногда совсем не признан. Так или иначе, величайшие творцы идут впереди своего времени и даже впереди других сравнительно заурядных людей искусства. Иногда остальному человечеству требуются столетия, чтобы нагнать их. Очень часто мы обнаруживаем, что человека искусства проклинают его современники, а будущие поколения восхваляют. Все происходит так, как будто голос обычных людей оценивает человека искусства только после его смерти, как будто хороший художник – мертвый художник. Все это так хорошо известно, что нет необходимости убеждать вас в этом. Человек искусства часто чувствует себя еще в большем одиночестве, чем религиозный гений или мистик.

Если мы посмотрим, что составляет подлинную личность, мы обнаружим, что подлинный творец обладает по сути теми же характеристиками. Но что определяет человека искусства? Определение будет, несомненно, зависеть от природы того, что оно создает. Так – погрузимся сразу в этот один из самых мучительных и спорных вопросов в истории западного мышления – что такое искусство?

Этот вопрос обсуждался и на Востоке, особенно в Индии, но спор там велся настолько в другом направлении, что нельзя даже начать сравнивать его с западными спорами по этому вопросу. Этот вопрос долгое время отнимал у меня много времени и энергии в те дни, когда я еще не принял на себя обязанности, которые ограничили длительность размышлений, которые я мог бы посвятить подобной теме. Я обнаружил, что определения искусства бесчисленны, и некоторые из них довольно необычны. Выдающийся критик-искусствовед Герберт Рид дал следующее: «Искусство – это попытка создания приятных форм». Еще более лаконично определение Клайва Белла, очень известное в свое время и являющееся темой его самой известной работы: «Искусство – это значимая форма». Что касается великого итальянского критика и государственного деятеля

Бенедетто Кроче, его предложение кажется несколько расплывчатым: «Искусство – это интуиция». На самом деле, все определения, которые я нашел, не слишком удовлетворили меня – они слишком обширны, слишком узки или просто неполны. Поэтому со временем я решил сформулировать свое собственное.

Я написал собственную маленькую работу, посвященную данному вопросу, «Религия искусства», в начале 50-х, когда жил в Калимпонге, и в ней дал такое определение искусства: «Искусство – это организация чувственных впечатлений, которая выражает восприимчивость создателя и передает его аудитории ощущение ценностей, которые могут преобразить их жизни»⁶⁷. Причина, по которой я нахожу это определение особенно подходящим, заключается в том, что в нем выражается особое духовное видение искусства. Именно с этой, особой точки зрения я хочу исследовать его здесь более детально.

Первичное утверждение – «Искусство – это организация чувственных впечатлений» – должно показаться вам вполне очевидным, но его все же стоит сделать. Одна из книг по поэзии, к которой я обращался, начиналась со слов, что мы никогда не должны забывать, что поэзия состоит из слов (и что если есть люди, которые об этом забывают, автор, без сомнения, прав, что напоминает им об этом). Но давайте зайдем еще дальше: если поэзия состоит из слов, из чего состоят слова? Каково сырье поэзии? Слова состоят из звуков, вибраций воздуха, звуков, связанных с различной частотой и – иногда лишь косвенно – с концептуальным смыслом. Сырье живописи – простые зрительные впечатления: форма и цвет, свет и тень. Подобно этому, музыка сделана из слуховых впечатлений: звуков и ритмов, будь они громки или тихи, гармоничны или неблагозвучны. На самом деле, основой любого вида искусства являются чувственные впечатления. Именно с этого начинается искусство – с впечатлений, льющихся на нас все время через наши пять психических чувств (к которым в буддийской традиции в качестве шестого чувства добавляется деятельность ума)⁶⁸.

Человек искусства организует этот хаос впечатлений в модель, форму, нечто целостное и таким образом создает мир, который является производением искусства. Есть различные виды организации чувственных впечатлений, некоторые из которых очень просты, а другие весьма изощренны. Ключевой момент заключается в том, что результат искусства не существует отдельно от его создателя; он не подвешен в воздухе, так сказать. То, какую форму создатель придает своим чувственным впечатлениям, выражает его или ее восприимчивость. Это означает, что произведения искусства выражают или воплощают осознанность творцов, их опыт жизни в целом, восприятие ими себя, других людей и даже самой реальности.

Восприимчивость, выраженная в произведениях искусства, отражает уровень сознания определенного человека. Не все люди искусства обладают доступом к особенно высоким уровням сознания. Но даже простой фольклор – создание собственных вещей по широко используемым традиционным моделям – выражает зачатки артистической восприимчивости, в отличие от предметов массового производства. И лишь в отношении немногих людей искусства можно сказать, что они проникают, по крайней мере иногда, за самые дальние пределы обычного человеческого сознания, в опыт запредельного сознания.

Подлинный художник получает доступ к высшим уровням сознания, осознанности и даже понимания, чем обычный человек. Он дальше продвинут в эволюционном развитии человечества, и это одна из причин, почему он является художником. Полагаю, что при этих словах некоторые читатели недоверчиво покачают головой по поводу дерзкого утверждения, что подлинный творец представляет собой высший тип

человеческой природы по сравнению с обычным добропорядочным гражданином. Они скажут, что мое радужное представление о людях искусства – фикция, и очень часто человек искусства – это безнравственный, развращенный и эгоистичный человек. Возможно, нам следует уделить немного внимания этому вопросу.

Надо сказать, с такими людьми, как художники, поэты и музыканты, трудно ужиться. Это, мне кажется, происходит потому, что люди искусства по праву озабочены защитой своего личного пространства и условий работы от внешнего вмешательства. Всегда найдутся исполненные благих намерений люди, которые попытаются заставить людей искусства подчиниться, заставить их вести себя, одеваться, выглядеть, говорить и даже писать или рисовать, подобно другим людям. Вполне естественно, что в таких обстоятельствах люди искусства будут бунтовать – иногда даже грубо – против попыток доброжелателей, которые желают им только счастья и успеха. Это неблагодарность, но человек искусства будет настаивать на том, чтобы остаться собой.

Кроме этого, человек искусства чаще всего настроен враждебно по отношению к условной морали. Это особенно обращает на себя внимание в случае с таким поэтом, как Шелли, который попирает нравственные рамки своих дней и был гоним за это. Настоящий вопрос заключается не в том, что человек искусства безнравственен, а в том, верно ли отрицание условной морали. Очень часто очевидно, что условная мораль сама по себе ущербна, и что отрицание ее художником – просто выражение его более здорового и уравновешенного состояния ума.

Нет, конечно, человек искусства не всегда «уравновешен», все далеко не так. Мы видели, что все мы склонны быть – по крайней мере, пока не начали процесс объединения – не целостным «я», а группой «я». Это очень часто справедливо и по отношению к людям искусства. На самом деле, человек искусства очень часто – глубоко противоречивый человек, и иногда кажется, что чем более велик он, тем более глубоко противоречив внутри себя. Эта глубокая расщелина в глубинах его собственного существа может создавать в нем напряжение и неуравновешенность, иногда граничащие с безумием. Можно сказать, что человек искусства обладает доступом к более глубоким состояниям сознания, чем кто-либо еще, но это не означает, что они доступны ему постоянно. Как говорит Шелли в своей «Песни», «редко, редко ты приходишь, дух восторга».

Этот дух восторга – опыт высшего состояния существа и сознания – на самом деле посещает человека-творца очень редко. Человек искусства не наслаждается этими состояниями постоянно, и этим он отличается от подлинного мистика, который чаще всего пребывает в них большую часть времени. Он перескакивает и колеблется между этими высшими состояниями и более обыденными состояниями ума, и может показаться, что в художнике живут два человека. Печально, но слишком часто бывает так, что мы читаем чудесную книгу, а затем обнаруживаем, что автор – совсем не такой чудесный человек, как заставила вас поверить его книга. Вы, наконец, встречаетесь с ним и приближаетесь к нему, полные благодарности и восхищения, с чувством, что та или иная книга уже сделала автора практически вашим другом, что он уже открыл вам свою душу, но вы оказываетесь лицом к лицу с сухим, увядшим, злобным человечком и жалеете, что вообще взглянули на него, – так вы разочарованы.

Кажется, что у людей искусства есть две отдельных личности – артистическое «я» и обычное «я». Следовательно, возникает идея о том, что вдохновение спускается на них с небес, что это не их собственная заслуга. Композитор XVIII века Гайдн, по-видимому, ощущал все именно так. Слушая представление своей оратории «Сотворение мира», написанной им уже в преклонных годах, он воскликнул: «Не я, но Высшие силы создали это!» Теперь, вернувшись в обычное состояние сознания, обычный человек Гайдн был

вынужден отречься от достижения Гайдна-творца.

Это также одна из причин, почему мы традиционно относимся к творцу – и любому, кто зависит от некой высшей силы – как к гению. Слово «гений» первоначально обозначало божество-охранителя, что в рамках христианства было переведено как ангел-хранитель. Гений представлял собой высшие силы, затмевающие вас и ведущие вас, направляющие ваши шаги; говоря иначе, он символизировал ваше собственное высшее «я», воспринимаемое как независимая или полу-независимая личность, которая была источником руководства и вдохновения для обычного «я». Та же идея лежит в основе классического представления о музах. В начале «Илиады», например, Гомер призывает богиню «воспеть губительный гнев Ахиллеса». «Одиссея», подобно этому, начинается со слов: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже...». Для любого классического поэта это было привычное обращение. Следуя по их стопам, Мильтон точно так же открывает «Потерянный рай», только он призывает ту, которую он называет небесной музой, которую он отличает от музыки непосвященных. Но идея та же. Вы призываете некую высшую силу, которая кажется внешней по отношению к вам, но в действительности является вашим высочайшим «я», из которого возникает любое подлинное произведение искусства.

В наши дни слово «гений» используется более свободно, без осознания его первоначального значения, и применяется к любому сравнительно одаренному человеку. Когда писателя Владимира Набокова спросили, считает ли он себя гением, он ответил: «Словом «гений» бросаются довольно щедро, не так ли? По крайней мере в английском, потому что его русское соответствие, «гений», – это слово, исполненное некоего шепота благоговения, и используется только по отношению к очень немногим писателям – Шекспиру, Мильтону, Пушкину, Толстому. К таким глубоко почитаемым авторам, как Тургенев и Чехов, русские относят не столь громкое слово «талант», а не «гений». Это причудливый пример семантического несоответствия – в одном языке слово имеет большее значение, чем в другом. Хотя я научился говорить по-русски и по-английски практически одновременно, меня, тем не менее, повергает в ужас и озадачивает, когда слово «гений» применяется к любому значительному писателю, например, Мопассану или Мюссе. Гений для меня, по-русски привередливого и гордого в словах, – это уникальный, ослепительный дар – гений Джеймса Джойса, а не талант Генри Джеймса»⁶⁹.

Согласны вы или нет с его оценкой Генри Джеймса, твердость, с которой Набоков проводит различие между талантом и гением, во многом соответствует оценке, которую я предпринимаю здесь, в моем собственном определении искусства – оценке того, что означает искусство и что означает быть человеком искусства.

Мы отметили, что искусство – это организация чувственных впечатлений, которая выражает восприимчивость человека искусства (сколь бы утонченна она ни была). Далее определение продолжается так: «и передает его аудитории ощущение ценности, которая преобразует их жизни». Как это происходит? И что подразумевается под «ощущением ценности, которая преобразует их жизни»?

Если мы согласны с тем, что человек искусства выражает более высокий уровень – то есть, если более понятно выразиться, более яркую степень – осознанности, чем обычный человек, тогда и произведение искусства выражает эту степень осознанности – не только выражает, но и передает ее, в том смысле, что когда эта передача удастся, мы ощущаем в текущем времени, пусть и в меньшей степени, состояние сознания, в котором творец создает его. Так общается с вами художник. По крайней мере, на время, мы поднимаемся до его уровня, мы становимся подлинной личностью. На время мы разделяем его ощущение ценности и озарения, и это может преобразить наши жизни.

Именно в этом, в конечном счете, заключается эволюция нашей человеческой природы. Преображение и есть эволюция. Это не внешнее изменение, но изменение уровня. Люди искусства, следовательно, не только сами достигли более высокой ступени эволюции, но посредством искусства, с помощью которого они передают свой опыт, они вносят вклад в высшую эволюцию других людей.

Наслаждение великими произведениями искусства расширяет и углубляет наше собственное сознание. Когда мы слушаем великое музыкальное произведение, видим великое полотно, читаем великое стихотворение – когда мы на самом деле переживаем это, позволяем ему проникнуть в нас, – мы выходим за пределы своего обычного сознания. Мы становимся более щедрыми в проявлениях собственных симпатий; вся наша жизнь незаметно, но глубоко изменяется. Если мы продолжаем проявлять интерес к искусству, это воздействует на все наше существование, и наша жизнь может преобразиться.

Сегодня традиционная религия – по крайней мере, в форме христианства – утратила свое непререкаемое влияние на умы западных людей. Удивительные архитектурные памятники христианства все еще находятся рядом с нами, но как бы ни были великолепны некоторые из них, для большинства людей они – пустые оболочки. Для подавляющего большинства людей ортодоксальная религия не является больше источником благодати. Мы ничего от нее не получаем. Она ничего не значит для нас. Она больше не возвышает нас, не трогает нас, не изменяет нас и еще меньше преобразует нас. Люди даже больше не выступают против нее.

Как должно подразумевать название моей книги об искусстве, для многих людей место и функции религии оказались занятыми искусством. Это, мне кажется, одна из причин невероятной популярности в наши дни всех изящных искусств – потому что, несмотря на все ворчливые реплики по поводу упадка культуры изящные искусства необычайно популярны, как никогда раньше. В прошлом наслаждение произведениями искусства были привилегией немногих. Пятьсот лет назад в Англии большинство из нас жило бы в жалких лачугах. Мы бы за всю свою жизнь не увидели ни одной картины, за исключением, возможно, одной-двух в местной церкви, и вряд ли когда-нибудь услышали качественную музыку. Что касается чтения, едва ли кто-то в те времена читал для удовольствия, если вообще читал. Наслаждение высокой культурой было привилегией лишь немногих – состоятельного духовенства и знати. Даже позднее, в XVIII веке, много ли людей слышали исполнение работ Баха, Гайдна, Моцарта? Самое большее, несколько десятков тысяч – а иногда лишь несколько сотен скучающих аристократов.

Но в наши дни художественное наследие веков доступно практически каждому. Музыка великих композиторов могут слушать и наслаждаться ею снова и снова миллионы людей по всему миру. Высокая культура распространилась в беспрецедентных масштабах. К каким результатам это приведет, мы можем только догадываться, но должна существовать некоторая возможность того, что случайная массовая доступность высокой культуры начнет оказывать медленное, но неуклонное очищающее влияние на значительные и влиятельные слои населения.

Если искусства на самом деле заняли место религии, это произошло потому, что они составляют неотъемлемую часть не религии в узком смысле, но духовной жизни. И если я прав в своем анализе, мы должны поощрять развитие изящных искусств в качестве неотъемлемой части духовной жизни и эволюции собственной человеческой природы.

Остается обратиться к последнему вопросу, и он касается психологии художественного творчества. Как и почему происходит так, что для человека искусства создание произведений искусства должно быть одним из средств – или даже основным

средством – высшей эволюции? Что происходит, когда художник творит?

Вкратце, когда люди искусства творят, они воплощают что-либо. А когда вы что-то воплощаете, вы можете уподобиться этому. Это чем-то напоминает процесс традиционных буддийских упражнений по визуализации. Когда, например, в медитации мы визуализируем Будду, мы закрываем глаза и видим – мы на самом деле пытаемся увидеть это, а не просто подумать об этом – во-первых, зеленую даль с бескрайним голубым небом над ней, а посреди – дерево бодхи. Затем у подножия дерева бодхи мы видим фигуру Будды в оранжевом одеянии. Мы видим необычайно мирные черты, золотистое тело, мягкую улыбку, курчавые черные волосы, цвета его ауры. Мы видим это так ясно, как если бы перед нами сидел сам Будда. И в том, что мы визуализируем, мы распознаем духовные качества Будды: в его лице мы видим мудрость, сострадание, покой, бесстрашие и так далее. Со временем вырисовывая визуализируемый образ все точнее, мы становимся ближе к этим качествам, ощущаем, что визуализируемый образ становится ближе к нам. Мы чувствуем, что впитываем внутрь себя качества, присущие Будде⁷⁰.

Если мы будем усердно выполнять это упражнение, если мы будем следовать ему не несколько дней, а в течение месяцев или даже лет, рано или поздно наступит время, когда мы полностью уподобимся всем этим качествам Будды и станем едиными с ним в нашем опыте медитации. Когда это происходит, непросветленное существо преобразуется в Просветленное Существо, и мы осознаем собственную природу Будды. Но что в действительности происходит на протяжении этой практики, в процессе этого упражнения?

Происходит то, что наш собственный потенциал – скажем так, состояние Будды, – который присутствовал все это время, будучи неузнанным и непризнанным, в сердцевине нашего существа, становится действительным, он реализуется. Но он реализуется посредством воплощения, поскольку мы видим его «снаружи» (даже хотя он – «внутри»). Воплощая его подобным образом, мы постепенно уподобляемся ему все больше и больше, пока не объединимся с ним.

Подобные вещи происходят и в случае с художественным творчеством. Когда мы говорим, что человек искусства творит, исходя из своего опыта некоего высшего уровня существования, это не так просто и легко, как звучит. Это не значит, что у человека есть этот опыт во всей его полноте, совершенстве и целостности до того, как он что-либо создает. Тот, кто сделал бы это, был бы совсем не человеком искусства, а мистиком, а это нечто другое и, по крайней мере, потенциально, более высокое. Художник начинает с неясного чувства чего-то, что он проясняет и усиливает в процессе создания произведения искусства. Первоначальное творческое переживание художника подобно семени, которое переполнено жизнью, но природа его полностью открывается лишь в цветении, когда само произведение искусства закончено и совершенно. Но какие бы прекрасные творения не создавал человек, какова бы ни была их преобразующая сила, высочайшей целью любого творца должна быть та же цель, что и у любого человеческого существа. Каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы он сам был своим прекраснейшим творением, стремиться «придавать огранку своему характеру», как говорил Ницше, – то есть стремиться стать подлинной личностью.